

Степан Сказки

# ДВЕ ЛУНЫ



18+

# Степан Станиславович Сказин

## Две луны

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69949231](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69949231)*

*SelfPub; 2023*

### **Аннотация**

Семнадцатилетний студент технологического колледжа влачит безрадостное существование. Беднягу травят сверстники. Авторитарные родители требуют от сына только учиться на "хорошо" и "отлично" и не создавать проблем. Одно утешение парню: перед сном почитать волшебные восточные сказки. Знал ли наш студент, что столкнется с подлинной мистикой?.. Все начинается со случайной (случайной ли?..) встречи с двумя таинственными красавицами, от одного взгляда на которых юноша вспыхивает томительным любовным желанием...

# Степан Сказин

## Две луны

### 1. Белый вороненок

С малых лет я вдохновлялся волшебными сказками и героическим эпосом. Но мог ли я вообразить, что сам примерю кольчугу борца с натуральной нечистью?..

В своих снах я – вместо Рустама – булатным мечом рубил головы косматых страшилищ-дэвов. Или – как доблестный Рама – отправлялся на остров демонов-ракшасов, чтобы вырвать из лап чудовищного десятиглавого Раваны свою прекрасную возлюбленную. Точь-в-точь как Дон-Кихот рыцарскими романами – я зачитывался Махабхаратой, ассиро-вавилонским Сказанием о Гильгамеше, калмыцким эпосом Джангар.

– Опять ты уткнулся в свои восточные небылицы?.. – морщилась мама, когда заставляла меня за чтением Шахнаме. – Лучше бы на голых женщин в интернете смотрел. Честное слово!..

У меня была толстая тетрадка, страницы которой я отчаянно марал – пытаюсь переложить на стихи египетский миф об Осирисе и Исиде. (Особенно меня занимал эпизод битвы отважного Хора с коварным братоубийцей Сетом). Еще я пе-

рассказывал в прозе отдельные песни из Манаса и Шахнаме. Да – вдобавок – сочинял собственные истории по мотивам легенд и преданий народов Востока.

Конечно – я не светил тетрадкой перед родителями. Они бы позеленели и плевались желчью от моих литературных упражнений. В нашей семье – в которой царили монастырские бережливость и дисциплина – действовало чуть ли не на скрижали вырезанное правило: «Дозволено только то, что полезно». Родители приняли эту формулу восемнадцать лет назад (за год до моего рождения). И с тех пор – стиснув зубы – ни на волосок не отступали от своего железного принципа.

Когда я был маленьким мальчуганом – меня не водили в зоопарк. Смотреть на слонов, мол, пустое занятие. Поиграй-ка лучше, сынок, с кубиками, расписанными английскими буквами. Английский тебе в жизни – как пить дать – пригодится.

Из тех же соображений практичности папа с мамой не заказывали на дом пиццу (дешевле купить замороженную в супермаркете). Не ходили в парикмахерскую – а сами стригли меня и друг друга купленной по акции машинкой. Не приобретали художественную литературу.

Спасибо покойному дедушке, от которого осталась целая библиотека. Не знаю – не поехал бы я умом без своих любимых сказок и героических баллад. Книги – на крыльях страниц уносящие меня в волшебные миры – были единственным лучиком света в моем сереньком существовании.

Школу я закончил... скажу мягко: без блеска. Учитель математики только из уважения к преждевременной седине моих родителей нарисовал мне тройку. «Да, приятель, – рассудил мой папа, шаря по мне взглядом из-под квадратных очков и прокручивая топорщащийся ус. – Институт тебе явно не улыбается».

И определил меня в Технологический колледж. Покорной овцой я пошел учиться на сварщика.

«Вот и славненько, – хлопал папа себя по ляжкам. – Гуманитарии сейчас не нужны. Их как тараканов. А вот рабочие профессии – всегда будут востребованы».

«Выпустишься из колледжа высококлассным специалистом, – подхватывала мама. – Женишься на порядочной девушке. Какая козочка не клюнет на красавца-сварщика?.. Родите деток... Уж понянчусь я с внуками!..».

Моя жизнь – таким образом – была расписана на годы вперед. Папе и маме и в голову не приходило спросить, к чему у меня у самого лежит душа. А я привык, что со мной считаются меньше, чем считались бы с домашним котом. (К слову: я хотел бы, чтобы мы завели котейку. Но просить родителей было дохлым номером).

Учеба в колледже стала для меня сплошным хождением по мукам. Вплоть до того, что с самого утра – только звенел будильник – у меня начинало щемить сердце. О, я согласился бы вовек не просыпаться – лишь бы не ехать в треклятый колледж!..

Все в колледже нервировало меня, доводя до белого каленья. От директора – строгого длинного бровастого дядьки по прозвищу Полковник – до необходимости носить синюю униформу и уроков физики и химии.

Перед Полковником я вытягивался в струнку. А тот придирчиво ощупывал меня чуть воспаленными красноватыми глазами. Хмурил кустистые брови – похожие на крылья филина. И выдавал: «Почему воротник мятый?.. Ботинки не начищены?..».

С химией и физикой – в которых я разбирался не больше, чем поросенок в ананасах – я справлялся тупой зубрежкой. Я заучивал наизусть целые параграфы из учебников. Удивительно – но это срабатывало. По столь неудобоваримым для меня предметам я был твердым хорошистом. Даже лучшим студентом в группе.

К сожалению – с физкультурой так было не извернуться. Вся группа дружно надрывала животы от обезьяньего хохота – когда мне не удавалось хотя бы разок подтянуться. Или когда я – выбиваясь из сил – плыл по бассейну на скорость.

Вообще – отношения с одногруппниками ввергали меня в сущий ад. Все остальные «прелести» колледжа еще можно было терпеть. Но это...

«Товарищи» по учебе точно видели у меня на лбу клеймо: «Я лузер. Лох. Растяпа. Пни меня». Я хорошо узнал, что такое быть белым вороненком в черно-серой стае. Меня беспощадно клевали. Испачкать мне мелом форму, отвесить соч-

ный пендаль – это были лишь самые мелкие «шалости», которые позволяли себе хулиганистые одноклассники в отношении меня. Я был подлинной грушей для битья или – вернее сказать – куклой для издевательств.

Мне кидали за шиворот мусор. Играли в футбол моим портфелем. Отнимали у меня ручки и тетрадки. А пару раз – по-лошадиному гогоча – окунали меня головой в унитаз.

Об унижениях, которые я сносил в колледже – я не смел заикнуться родителям. С ранних лет я усвоил: я должен соответствовать ожиданиям папы и мамы – а не «создавать проблемы». Батя решил, что ты будешь учиться на сварщика – значит стисни зубы и терпи.

Директор колледжа – бравый Полковник – знал, что по специальности сварщика в заведении учится самая отмороженная шпана. Среди которой только я – как белый кубик сахара между черными углями.

Перед Полковником мои обидчики поджимали хвосты. Он рывкал на дебилов-«сварщиков», как лев на гиен. Но только Полковник поворачивался спиной – «гиены» корчили рожи и показывали средние пальцы. А кто-нибудь из «стаи» уже прицеливался – метнуть в меня скомканный в шарик листок, в который предварительно харкнул.

Мои одноклассники были оторванные бесы, хулиганы и отбросы общества – как один. Но и среди этой звериной братии были особо выделяющиеся фигуры. Ровным счетом четыре. Четыре отпетых уродца. Четыре матерых лохматых

волка – на фоне твякующих шакалов. Этих «волчар» называли не по именам – а по прозвищам, которые те с гордостью носили.

Пес. Вор. Поп Гаврила. Рыжий Адольф.

Пес появлялся, скандируя:

– «Гончие псы», вперед!.. Оле-оле-оле!..

Он был фанатом футбольного клуба «Гончие псы». Никто не смел в присутствии Пса заикнуться, что болеет за другую команду.

В дни чемпионатов Пес ходил точно наэлектризованный. От него тогда легко можно было получить в рыло – так что самые оторванные «сварщики» становились тише воды и ниже травы. Но Пес все равно нападал на кого-нибудь – чтобы снять напряжение. И в восьмидесяти пяти процентах случаев несчастной жертвой был я.

Пес хватал меня за грудки:

– Эй, черт!.. Ты почему за «Гончих псов» не болеешь?..

– Я... я не увлекаюсь футболом... – еле слышно лепетал я. Понимая: что бы я ни промямлил – от жестокой расправы мне не спастись.

– Ты что – не пацан?.. – наседал Пес.

– Пацан...

– А вот и не пацан!.. «Гончие псы» – оле-оле-оле!..

Пес сбивал меня подножкой и – пока я падал – успевал достать меня пудовым кулаком. Наступал на меня ботинком – отчего на моей форме оставался грязный след. И плевал



мне на волосы. Мне оставалось только молиться, чтобы в коридоре нарисовался Полковник или другой строгий преподаватель, способный утихомирить Пса.

Пса волновала честь любимой команды. Вора – понты и червонцы. Вор был двухэтажный детина с квадратными плечами. Он любил напевать:

– Скольких я зарезал...

И нарочно закатывал рукав – чтобы продемонстрировать вытатуированного пониже локтя скорпиона. Скорпион был эмблемой какой-то крутой банды головорезов.

Вор страшно гордился своим братом – три года отсидевшим в тюрьме. Любил свистеть – и разговаривал на уголовном жаргоне: «ментяра» – «курю бамбук» – «фраер».

Из четырех «ферзей» Вора боялись меньше всего. Сам он откровенно лебезил перед попом Гаврилой и рыжим Адольфом. Но мне от этого было не легче, когда – зажав меня в углу – Вор скалил гнилые зубы, подносил к моему лицу заточку и спрашивал:

– Баблосы есть?.. А если найду?..

Денежка, которую мама выделила мне на покупку обеда – перетекала Вору в карман.

Ростом с многолетний дуб, чуть сутулящийся, бородатый – поп Гаврила вызывал больше ужаса, чем Пес и Вор, запряженные в одну колесницу. Поп Гаврила в третий раз пытался получить диплом сварщика – и был старше всех в группе. Отсюда и обильная растительность на обезьяньем лице Гав-

рилы.

Почему Гаврила – и почему «поп»?..

Очень просто. Амбал числился в активе САГ – «Союза архангела Гавриила». Так именовалась молодежная околоцерковная организация – которая ставила своей задачей «жесткую бескомпромиссную борьбу за традиционные православные ценности». Врагами «Союза...» были мусульмане, покрашенные девушки в мини-юбках и «мамкины дочеры-аметисты» (атеисты). Свою «правоту» САГ отстаивал весьма хулиганскими (что бы не сказать: разбойничьими) методами.

– Ух, повеселились!.. – хвастался, тряся бородой и вихрами похожий на лохматого жирного гоблина поп Гаврила, придя в колледж после выходных. – Разгромили выставку проклятых чертей-эволюционистов!.. Я тому профессору лысому очки и харю разбил. Надо было ему в зад фальшивую косточку ихтиозавра запихнуть... Эволюция – это сатанинский бред. Ловкая выдумка скотов-ученых!.. Все так называемые «окаменелости» – подделки. Не было никаких мамонтов и птеродактилей. Бог за шесть дней сотворил весь мир – включая светила и животных – семь тысяч лет назад!.. И человека вылепил из праха земного... А тот, кто верит в эти рассказы про эволюцию – будет на большом вертеле жариться в аду!..

И надо же мне было – из какого-то странного упрямства – заикнуться, что я материалист и считаю, что человек про-

изошел от спустившейся с дерева обезьяны. О, Гаврила меня люто возненавидел!.. Чего только он не творил со мной на переменках. Да и на уроках – если учитель выходил.

Ударом тяжелого – как гиря – кулака поп Гаврила отправлял меня валяться на пыльный истоптанный пол. Потом – потянув за волосы – заставлял подняться. Как пьяный верблюд – плевал мне в лицо. И снова валил меня – на этот раз лягнув в живот ногой. Было больно, как если бы ножища Гаврилы заканчивалась копытом.

Помню – на уроке биологии, когда учительница куда-то отлучилась, поп Гаврила, под общий галдеж, размашистыми шагами подошел ко мне. Схватил меня за ухо. И скрипнул львиными челюстями:

– Ну что, свинья неверующая?.. Думал: сядешь на заднюю парту – я тебя не достану?..

Поп Гаврила раскрыл мой учебник биологии на странице с фотографией орангутанга. Оскалился:

– Что – дедушка твой?!..

Дернув меня за ухо – Гаврила резко впечатал меня физиономией в стол. Мне повезло, что я не сломал нос.

Гаврила вырвал из моей тетрадки листок. Свалял в ком и запихнул мне в рот:

– Жри, мразь!..

Я отчаянно закашлялся.

Поп Гаврила толкнул меня. Я грохнулся вместе со стулом – ногами вверх.

Меньшая часть группы наблюдала за расправой с трепетом – как бандар-логи за гипнотизирующим танцем змея Каа. Но большинство «сварщиков» гудело и улюлюкало – выражая свое восхищение попом Гаврилой. У нас в колледже было так: кто более отъявленный хулиган, у кого тяжелее кулачища – перед тем встают на задние лапки.

– Что здесь происходит?.. – аж розовая от возмущения, спросила выросшая на пороге аудитории преподавательница.

Но поп Гаврила уже сидел чинно за партой – теребя свою густую бороду. Мне оставалось только выплюнуть бумажный комок, поднять стул, отряхнуться – и тоже сесть.

Бьюсь об заклад: учительница – по крайней мере – догадывалась, что случилось за время ее отсутствия. Но быка попа Гаврилу побаивался и преподавательский состав. Только перед бравым Полковником православный активист замирал по стойке «смирно».

Что еще сказать?..

А то, что с той же силой, что и поп Гаврила, меня ненавидел другой кабан – конопатый Адольф. Впрочем, сухопарый и вытянутый – Адольф казался мне больше похожим на длинноногого горного архара, чем на кабана. Лицо Адольфа – покрытое бурыми и рыжими пятнами – напоминало корку гнилого апельсина.

Если поп Гаврила защищал «традиционные православные» – то рыжий Адольф «исконно русские» ценности. Меж-

ду собой громилы ладили – как две головы дракона.

«Я социал-националист!..» – гордо вскидывал голову рыжий Адольф. Врагами Адольфа были анархисты, коммунисты, турки, таджики, монголоиды и просто смуглые брюнеты.

В первые дни моей учебы в колледже рыжий Адольф поймал меня. Припер к стенке. И – выдыхая изо рта зловоние – спросил:

– Ну-ка, салага. Ты за русских против жидов и чурок?..

Возможно – вы посмеетесь над тем, какой я дурачок без нормально работающего инстинкта самосохранения. Но совесть не позволила мне ответить: «Угу». Я пролепетал, что ко всем национальностям отношусь одинаково уважительно. И что считаю: народы Земли должны жить в мире.

Адольф позеленел от ярости, как зомби:

– Ах ты ж кусок нерусского дерьма!..

Чертов нацик врезал мне коленом в живот. Я сложился пополам. Рыжий Адольф огрел меня по голове. И затем опрокинул на пол.

Стараясь прикрывать затылок руками – я скорчился на пыльном заляпанном линолеуме. А Адольф – хрипя и рыча – самозабвенно топтал меня ногами в шипастых ботинках.

С губищ рыжего уroda лилась отборная брань. Из которой самым мягким было:

– Да я тебя – ублюдка – на шашлык порублю!.. Выкидыш японской проститутки!..

С того дня рыжий Адольф смотрел на меня, как крокодил на детеныша зебры. Не было перемены, на которой рябой националист не унизил бы меня, не оскорбил бы, не двинул бы мне кулаком в живот или в челюсть...

Так я прозябал – приученный терпеть издевательства. В свои семнадцать лет я был битым жизнью, как футбольный мяч. И бесполезно было искать защиты у родителей. Им нужно было только, что я учился на «хорошо» и «отлично».

Я отдыхал душой лишь за чтением Шахнаме и Рамааны – старинных преданий о героях и красавицах. Сказания восточных народов были точно переливающиеся огнями самоцветы. Когда живешь в черно-сером мире – так не хватает ярких красок!..

Мог ли я предвидеть, что скоро жизнь моя заблещет, как изумруд или самый чистый бадахшанский рубин?.. Что собственный опыт меня убедит: чудеса случаются не только в сказках и эпосе?..

## **2. Две луны**

В то утро я еле-еле – под мелодию противного будильника – оторвал голову от подушки. Вчера я допоздна читал поэтическое переложение нескольких эпизодов великой Махабхараты.

В квартире царила тишина. Я вспомнил: папа с мамой на два дня уехали в гости к моим дяде и тете. Так что мне сле-

дует самому позаботиться о завтраке, собрать портфель – и ехать на учебу. С гулом в голове – как был, в одних трусах – я покинул комнату. Прежде чем пройти на кухню и налить себе кофе – я остановился в коридоре перед зеркалом.

На меня смотрело отражение: тощий парень с выпирающими ребрами, взлохмаченной со сна шевелюрой и с фиолетовыми мешками под глазами.

Я вздохнул.

До зеленых чертиков не хотелось начинать новый день!.. Что меня сегодня ждет?.. Как всегда: скучные уроки в колледже. Побои и унижения от одноклассников.

Скорей бы – что ли – повзрослеть. Я надеялся: родители все-таки не заставят меня работать по профессии сварщика, к которой – признаюсь – я питал отвращение. Я лучше соглашусь сидеть за телефоном в гудящем – как улей – колл-центре. «Алло, алло. Михаил Петрович?.. Ваш заказ уже отправлен...».

Я буду приносить в семейную кубышку какую-никакую блестящую монетку. И папа с мамой не смогут меня упрекнуть за то, что за вечерним чаем я увлеченно читаю «Фархада и Ширин» или Сказание о Гильгамеше.

Да... Единственная радость – почитать за чашкой чаю. Так себе у меня перспективы.

Запивая на кухне молочным кофе бутерброд с докторской колбасой – я устало смотрел в окно. С мутно-серого неба хлопьями падал снег. На дворе была вторая половина фев-

раля. Мой самый нелюбимый отрезок года. Когда один день – жаркое солнце и слякоть; прошлогодние кучки собачьих экскрементов, обнаружившиеся под стаявшими сугробами. А на завтра – ни просвета в тучах; мир как бы окутан тенью; снегопад.

Настроение было такое, что хоть в петлю лезь. Казалось: вся Вселенная ополчилась против меня. Но что делать?.. Надо было одеваться и ехать в колледж. Помимо учебников – я сунул в рюкзак томик Махабхараты. Хоть почитаю в метро.

Выйдя из подъезда – под проникающим за шиворот мокрым снегом, я двинулся черепашьям шагом по залитому слякотью тротуару. Редкие прохожие – тоже направлявшиеся к метро – легко меня обгоняли. А куда мне спешить?.. К Вору, который выудит из моего кармана червонцы?.. Или к нацисту Адольфу – всегда готовому почесать кулаки о мою физиономию?.. Эх-х-х...

У стеклянных дверей метро я увидел стройные миниатюрные фигурки двух девушек – раздающих какие-то цветные бумажки; по-видимому – рекламные проспекты.

Я тяжело задышал – выпуская изо рта облачка пара. Сердце у меня заныло.

На меня часто накатывали тревога и слабость, когда я видел своих привлекательных сверстниц. Зажатый пугливый интроверт – в свои семнадцать лет я был, конечно, невинный голубок. Я не знал, что такое сводить девушку в кафе или в парк аттракционов. А женское обнаженное тело видел толь-



ко на фото в интернете.

Это было причиной режущей мне сердце на дольки острой тоски. Меня мучил страх: я так и превращусь в дряхлого сморщенного деда – ни разу не поцеловав и даже за руку не подержав ни одну девушку...

Я сбавил шаг – но не остановился. И скоро оказался между двух девушек, протягивающих листовки.

– Ай, молодой человек!.. – поймала меня за рукав та девушка, что была справа.

Я повернулся к ней – и застыл соляным столбом, пораженный ее красотой.

На меня смотрели полные блеска монгольские глаза. На щеках девушки играл нежный румянец. Алые губы-лепестки улыбались. Черные брови – точно нарисованы углем; над левой бровью – родинка.

– Ну-ка, принц. Возьми у меня листовку!.. – бойко сказала красавица с раскосыми глазами.

– Д-да... – выдохнул я. Взял листовку и – не глядя – сунул в карман. Я смотрел только на изящную «монголку».

– Тогда и у меня... возьми, – раздался тихий, похожий на журчание ручья, голосок слева.

Я обернулся на вторую девушку. И... чуть не прикусил от изумления палец.

Чудо чудное!.. Эта вторая девушка была не менее хороша, чем первая. Видимо, индийский бог любви Мадана решил пошутить, сведя вместе двух столь восхитительных кра-

савиц.

У «девушки слева» кожа была светло-смуглого оттенка – напоминающего легкий загар. Темные волосы – заплетены в длинные волнистые косы. Девушка смотрела робко, стыдливо. Ее томные агатовые глаза были как глаза лани. Если первая девушка воплощала дальневосточную красоту, то вторая – персидскую, иранскую.

«Персиянка» тоже протягивала мне листовку.

Я – снова не глядя – взял бумажку и спрятал в карман. Очарованный, околдованный, точно пораженный молнией в самое сердце – я топтался между двух красавиц.

Вспомнилось: в тюркской сказке скитающийся батыр видит ночью две луны. Одна луна – настоящая. А вторая – это сияющая красотой шахская дочь, заточенная в башне.

А я... я увидел две луны днем. Это были земные луны с красиво изогнутыми бровями и милыми улыбками. Воистину: если бы моя встреча с красавицами произошла ночью – я не заметил бы небесную луну. Девушки затмили бы свою гуляющую в облаках сестру.

– Хороший ты мальчик!.. – с чистым, как звон маленьких бубенчиков, смехом сказала раскосая красавица.

А «персиянка» слабо улыбнулась своими по-детски чуть пухлыми губами.

Я вконец растерялся. Во мне поднялась подлинная буря. Я успел раздеть девушек глазами. Со сладко замирающим сердцем подумать, каким бы райским блаженством было бы

обнимать и целовать обеих красавиц. И как – должно быть – упруги их похожие на наливные яблочки груди.

Я почувствовал, как от стыда розовеют мои уши. Точно кудесницы могли прочесть мои нескромные мысли. В итоге – я бесповоротно струсил.

Пробормотал едва разборчиво:

– Я... Вы... Извините...

И со всех ног бросился за стеклянные двери метро. Взмокнувший, как жеребенок – сбежал вниз по лестнице.

Я очнулся только в качающемся вагоне электропоезда.

Я развалился на сиденье – прерывисто дыша. Сердце кувалдой ударяло в грудную клетку. Нерадостные беспорядочные мысли – кружились и жалили меня, как стая шершней. Мне хотелось плакать от обиды. Ну почему я не долбаный пикапер, не похититель женских сердец – а несчастный лузер, жалкий замордованный студентик?.. Только что я видел двух прекрасных девушек – будто сошедших со страниц моих любимых сказок. Одна из красавиц многозначительно обронила, что я «хороший мальчик».

А что сделал я?..

Стрельнул номер телефона у той или другой прелестницы?.. Пригласил: «А не встретиться ли нам завтра в кафе «Звездочка»?..». Хотя бы просто улыбнулся?.. Нет. Я позорно бежал. Притом, что жил мечтами о девической ласке. Я был точь-в-точь голодный, который настолько забит и запуган, что не решился взять свежую лепешку с подноса – и

только в очередной раз проглотил слюну.

Какой же я ничтожный червь!.. Качусь в свой богом проклятый колледж – где меня будут шпынять наглые одногруппники. А девушек я больше не увижу. Завтра – вполне вероятно – они будут раздавать свои листовки уже у другой станции метро.

Но если я и встречу красавиц на том же месте, что и в этот раз – что толку?.. Я ведь трус. Я не посмею добиваться их внимания. Хотя нежные, чуть лукавые взгляды двух волшебниц – это то, чего я страстно желаю.

Я попытался отвлечься чтением Махабхараты, которую достал из рюкзака. Но буквы прыгали у меня перед глазами – слова размывались. Тогда я вынул из кармана листовки – которые получил от девушек. Я ожидал увидеть на цветастых листовках рекламу пылесоса, кошачьего корма или пиццерии. Но... с листовок на меня глянули мои знакомые девушки.

Что за волшебство?.. Я протер глаза. Нет – зрение меня не подвело. С одной листовки на меня смотрела – изображенная кистью умелого художника – та самая «монголка» с жаркими рысьими глазами, держащая белую розу. С другой листовки – подруга «монголки», похожая на молодое деревце «персиянка»; с ярко-алой розой в нежных руках.

Никаких надписей на листовках не было. Девушки точно подарили мне свои портреты – чтобы, глядя на эти портреты, я с тоской вспоминал двух изящных ланей, которых упустил,

и корил бы себя за трусость.

Я вложил листовки в томик Махабхараты – и положил книгу в рюкзак. По вечерам, в своей спальне, я буду смотреть на портреты красавиц и плакать, плакать.

Слезы сбегали по моим щекам и сейчас – когда я сидел в вагоне летящего по черному тоннелю электропоезда. Попутчики – от толстой бабки в платочке и с расписанной узорами тряпичной сумкой до заросшего щетиной мужика, от которого разило паленой водкой и невымытым телом – косились на меня с некрасивым любопытством. Но что мне за дело было до окружающих?!..

Весь день в колледже я был сам не свой.

Но мне повезло: попа Гаврилы и рыжего Адольфа не было. Одногоруппники говорили: Гаврила выстаивает службу в храме по случаю какого-то религиозного праздника – а Адольф отбыл в военизированный тренировочный лагерь бонхедов. Пса и Вора за какую-то провинность хорошенько отчитал Полковник – так что те ходили смиренными ягнятами. Подвергать меня особым издевательствам сегодня было некому.

Конечно – «добренькие» «товарищи» по учебе привычно бросали мне в спину оскорбления и даже швырялись скомканными бумажками. Но я этого просто не замечал. Сидя на уроках с отрешенным, как у святого, видом, или во время переменок бродя по коридорам колледжа – я думал о моих прекрасных раздатчицах листовок.

«Ах, если бы я был смелее – я заговорил бы с девушка-

ми!...».

Я отпустил вожжи своего воображения. Передо мной вставали упоительные картины.

Вот мы с девушками сидим в кафе – заедаем булочками и круассанами ароматный кофе. Шутим и смеемся. Потом гуляем по зеленому летнему парку. Красавицы играют в догонялки – резвятся, как маленькие козочки.

Я испытывал нежность к обеим – и к «персиянке» и к «монголочке» – как какой-нибудь мусульманин. Если б меня озадачили: «Какая из кудесниц будет твоей невестой?.. Выбери!..» – я бы с горячностью воскликнул бы: «Обе!.. Они нужны мне обе!..».

На предпоследнем уроке (это была химия) – пока морщинистая, как черепаха, преподавательница разжевывала что-то про оксид водорода – в голову мне пришла счастливая мысль. Рабочий день распространителя листовок – скорее всего, длиннее, чем учебный день в колледже. Велика вероятность: когда – отсидев химию и физику – я доеду до своей станции метро, девушки все так же будут стоять у стеклянных дверей, раздавая свои странные проспекты.

Тут главное не сплеховать. Схватить птицу-удачу за пестрый хвост. Не профукать свой шанс номер два.

О, я не струшу повторно!.. С храбростью Ахиллеса «подкачу» к девушкам... Меня опяняла собственная решимость. Мне казалось сейчас: достаточно сказать красавицам: «привет-привет!..» – и все пойдет, как по жирному маслу.

Кое-как я отсидел химию и физику. Когда – после уроков – я уже взял в гардеробе куртку, ко мне размашистой походкой, шелкая языком, направился Вор.

«Будут сшибать с меня червонцы», – догадался я. Действие внушения – сделанного Вору Полковником – очевидно, закончилось.

Но Вселенная мне улыбалась. Я благополучно улизнул от Вора – и скоро шагал к метро. О колледже – этом вороньем гнезде – можно было на сегодня забыть. Две красавицы целиком завладели моими мыслями.

Но – когда меня помчал грохочущий электропоезд – моя решимость «подъехать» к двум нежным пери начала таять, как снеговик под мартовским солнцем. В самом деле: выдавить из себя «привет!..» – недостаточно. Я так и представил: я роняю это банальное словцо – и уставляю глаза на носики собственных ботинок. Девушки недоуменно смотрят на меня – и пожимают плечами.

«А может девушки уже не стоят у метро?..» – с позорным малодушием подумал я. Тогда я с чистой совестью смогу не испытывать судьбу. Все в моей жизни останется скучным, унылым – зато привычным.

Нет. Нет. Нет.

Ты что, дуралей?.. Унижения, которые ты терпишь в колледже – окончательно превратили тебя в ничтожество?.. Не смеющее даже мечтать о лучшей доле?.. Разве ты не хочешь что-то изменить в своем сереньком существовании?..

Хочу. Хочу. Хочу.

Заведи я дружбу с девушками – моя жизнь заиграла бы всеми цветами радуги. Из зеленой гусеницы я превратился бы в яркую бабочку. Общение с красавицами давало бы мне силы стойко переносить крошечный ужас будней: тягостную опеку родителей – придирки Полковника – издевательства «товарищей» по учебе. Я бы чувствовал себя счастливым из персидской или тюркской сказки – которого взяли под покровительство прекрасные волшебницы-пери.

Что я могу для этого сделать?..

Очень просто. Заговорить с девушками.

Пусть я не мастер обольщения. Не брутальный мачо. Не маг и не гипнотизер. Все равно – я должен попытаться. Почему бы после глуповатого «привет!..» не сказать со всей искренностью: «Девочки, вы такие милые. Я хотел бы с вами подружиться»?..

Чем я рискую?..

Надо понимать: девушки – пусть и затмевающие красотой райских гурий – тоже люди. И нуждаются в общении не меньше моего. То, что «монголочка» и «персияночка» с радостью откликнутся на мое наивное предложение дружбы – не так уж и невероятно. А там – глядишь – с одной из девушек у меня завяжется роман... Жалко, что не с двумя.

Самое худшее, что может случиться: красавицы посчитают меня за дурака – и только посмеются над моим «хочу дружить». Я облизнусь – и уйду с опущенной головой. Но я буду



знать, что приложил какое-то усилие для того, чтобы поменять что-то в своей жизни. Попытка – не пытка. А даже если и пытка – все равно надо пытаться...

Чем ближе электропоезд подъезжал к моей станции – тем громче стучало мое сердце. Грудь ходуном ходила. На лбу выступали капельки пота. Вот и пора выходить...

На подгибающихся ногах – слабый, как старичок – я двинулся вверх по истоптанным ступеням лестницы, ведущей в город.

Стеклянные двери... Я нервно сглотнул. И замедлился, как лисица – которая не решается ворваться в курятник, потому что боится собаки.

Но вот я метнулся. Распахнув стеклянную дверь – выбросился на улицу. Выдохнул – озираясь. Кругом было черным-черно. Только падал – кружась – белый снег. Да горел холодным оранжевым огнем круглый глаз одноногого фонаря. А девушки... стояли на прежнем месте – и раздавали свои листовки.

На миг я застыл, как изваяние. А затем шагнул к красавицам – отчаянно соображая, как повести разговор. Но прежде чем я открыл рот – «монголка» глянула на меня своими жаркими глазами и воскликнула:

– Ай, наш хороший мальчик вернулся!..

Я вспомнил: «хорошим мальчиком» она уже называла меня утром.

Раскосая красавица легонько толкнула свою подругу –

«персиянку»:

– Ну смотри же!.. Наш мальчик вернулся!..

– Милый заюшка, – слабо улыбнулась смуглая «персиянка».

Разговор начался совсем не так, как я ожидал. Отчего я вновь превратился в истукана – и разве только хлопал глазами.

– Давай знакомиться, – сказала бодрая сияющая «монголочка». – Меня зовут Бхайми. А это, – раскосая кудесница кивнула на свою смуглую подружку, – это Тия.

– Привет... – тихо сказала мне Тия, не поднимая глаз.

– Какие у вас... необычные имена... – выдавил я.

Извилины у меня в мозгу аж выпрямились. Беседа протекала будто в каком-то сюрреалистическом бреду. Минуту назад я трепетал и сглатывал обильную слюну – не зная, как «подкатить» к девушкам. А тут получается, что красавицы сами очень даже не против познакомиться. Не понадобились никакие «пикаперские» уловки. И даже, как будто, девушки ждали меня – да, именно меня, Иванушку-дурачка – с самого утра.

Поразительно. Я-то думал: для двух пери я не больше, чем случайное невыразительное лицо в людском потоке.

Бхайми стрельнула в меня глазками. А Тия украдкой бросила взгляд из-под длинных ресниц.

– А целый день стоять под снегом и раздавать листовки – это, знаешь ли, холодно, – с восхитительным лукавством

сказала мне Бхайми.

– Очень холодно, – с нежной улыбкой подтвердила Тия.

Я стоял, широко распахнув глаза. Покоренный. Смущенный. Плохо верящий в происходящее.

– Почему бы тебе не пригласить нас домой и не напоить горячим чаем?.. – проворковала Бхайми, беря меня за руку.

От прикосновения девушки – чуть не закипевшая кровь быстрее побежала по моим венам, разгоняемая дико колотящимся сердцем.

– Д-да... Кон-нечно... Я приглашаю... – едва членораздельно выдал я – чувствуя, что весь заливаюсь свекольной краской. В голове мелькнуло: «Как удачно, что родители в гостях!..».

Я внезапно заделался любимчиком богов – которые обрушили на меня ошеломительное счастье?.. Надо теперь не оказаться лопухом и – как Ала ад-дин волшебную лампу – не упустить рыбу-удачу, которая сама плывет в руки.

Но я беспомощно топтался на месте и только зыркал глазами.

Похожая на маленького котенка Тия подошла ко мне и взяла меня за локоть. (У меня подпрыгнул и без того зашкаливающий пульс).

– Так мы идем?.. – сладким голоском поинтересовалась Бхайми.

– Идем... Идемте, девушки... – почти задыхаясь, пригласил я.

Мы двинулись к моему подъезду. Веселая троица: в середине – я, а красавицы – справа и слева. Все напоминало сон – какой увидишь, если на ночь читаешься сказок.

Лифт поднимал нас на мой девятый этаж. Девушки стояли – и перешептывались. Бхайми звонко смеялась – как журчит ручеек. Бросала на меня кокетливые взгляды. У Тии на щеках горел нежный румянец. Смугляночка почти не поднимала своих оленьих глаз. А все-таки – нет-нет да и посматривала на меня. Чтобы тихонько приснуть в кулачок – и что-то сказать на ушко Бхайми, вызвав у подружки улыбку.

Я учащенно дышал. Нервно морщил лоб. И все не мог поверить, что и впрямь веду в свою (вернее – в родительскую) квартиру двух обворожительных красавиц, с которыми только что познакомился. Я – долбаный лузер и рохля!.. Неужели это происходит на самом деле?..

На языке у меня вертелась туча вопросов к девушкам.

Почему у меня такое ощущение, что красавицы поджидали меня с самого утра?.. Как совпало, что у двух приятельниц – у обеих такие редкие и необычные, как крупные жемчужины, имена?.. Наконец – что за странные листовки?.. Не реклама корма для рыбок или французского парфюма. Для чего раздавать собственные портреты?..

Я бы понял, если б в листовке указывался номер телефона: девушки придумали креативный способ «подцеплять» парней. Но одни портреты... Создавалось впечатление: листовки напечатаны только для того, чтобы я взял эти цвета-

стые карточки – и за долгий учебный день не забыл, каких чудесных красавиц видел утром у метро.

С какой стороны ни взгляни: Бхайми и Тия были будто укутаны в облако тайны.

Но я не спрашивал ни о чем. Я молчал, как морской конек. Я только переминался с ноги на ногу, пытался разгладить ладонью свою чуть взлохмаченную шевелюру и не отлеплял глаз от девушек.

И вот мы на девятом этаже. Я отпер дверь квартиры и (еще раз мысленно благодаря всех богов – от Зевса до Ганеши – за то, что родителей нет дома) выдохнул:

– Девушки, входите.

Бхайми и Тия не заставили себя упрашивать. В прихожей они сбросили курточки и – с улыбками и смешинками – стали поправлять перед зеркалом волосы. Под курточками на девушках были платъица до колен. У Бхайми – красное, а у Тии – черное с блестками. Платъи так красиво облегли стройные фигурки девушек!..

Но надо было вступать в роль хозяина. Пока Бхайми и Тия прихорашивались перед зеркалом – я прошел на кухню. Вскипятил воду в электрочайнике. Разлил по трем чашкам ароматный чай – в который добавил по дольке лимона. Я догадался даже высыпать на тарелку печенье.

– Девушки!.. – позвал я. – Идемте пить чай.

За чаем красавицы не изменили своему веселому настроению. Звонком маленького декоративного колокольчика зву-

чал смех Бхайми. Нежно улыбалась Тия. А я все не мог расслабиться. Обжигал рот горячим напитком. Ерзал на своем стуле. Фыркал. Происходящее не укладывалось в моей бедной головушке. Ко мне из тенистых райских садов спустились две гурии. Это было так чудесно, что даже страшно.

– Ну что приуныл?.. – потормошила меня за плечо Бхайми – и в очередной раз мелодично рассмеялась.

– Чтобы ты не грустил, я задам тебе загадку, – сказала Тия. Ее голос был как тихий шелест камыша под дуновением легкого ветерка. – Охотник выстрелил из лука в газель. Стрела пробила ногу газели и вонзилась в ухо. Как такое может быть?..

– Н-не знаю... – промямлил я, чувствуя, что краснею, как вареный рак.

– Не торопись, милый. Подумай, – ласково улыбнулась Тия.

От обращения «милый» меня до корней волос пробрала сладкая дрожь. Еще никогда ни одна девушка меня так не называла!..

– А пока ты думаешь – неплохо было бы организовать ужин, – отставила чашку Бхайми.

– Ужин?.. – я понялся и открыл холодильник.

Из холодильника на меня смотрели: бутылка кетчупа, «кирпич» черного хлеба, кусок сыра и пачка макарон. Да уж, не тот набор, чтобы выставить гостям приличное угощение.

– Можно поесть бутерброды с сыром... – нерешительно

предложил я. – Или макароны сварим...

– Нет уж, – сказала сияющая Бхайми. – Подойдем к делу основательно. У тебя деньги есть?..

– Есть...

Родители действительно оставили мне сколько-то червонцев – чтобы я мог позаботиться о своем пропитании.

– Придется тебе, золотой, сходить в магазин, – сказала Бхайми. – Принеси-ка мне листок и ручку: я составлю тебе список – что купить.

Я послушно сгонял в комнату за ручкой и бумагой. Меня не покидало чувство, что я сплю и вижу сон. Ведь не бывает – не бывает же? – наяву, что две ослепительные павы напрашиваются в гости к жалкому лошаре-студенту и при этом не ограничиваются тем, что выпивают по чашке чаю.

Бхайми набросала список покупок – и вручила мне:

– Возьми сумку побольше – и топай в супермаркет.

– И думай над моей загадкой, – добавила Тия.

В списке было не менее двадцати пунктов. Копченая колбаса – соленая рыба – крабовые палочки – майонез...

«Только бы денег хватило», – заволновался я.

– Иди, иди, – девушки проводили меня до двери квартиры.

Вы скажете: глупо отправляться в магазин, оставив дома двух незнакомых барышень. Может быть – они воровки или еще что-то. Но я был загипнотизирован красотой Тии и Бхайми. Плюс к тому – меня не оставляло чувство нереаль-

ности всего, что случилось со мной этим вечером.

Я вышел из подъезда. На колючем морозе в голове у меня малость прояснилось. Я подумал: а не отдаться ли мне потоку событий?.. Почему бы не расслабиться и не получать удовольствие?.. Судьба сделала мне царский подарок: на меня обратили внимание две очаровательные красавицы. Так чего мне самому себе отравлять праздник смущением, опасениями и мучительными размышлениями над вопросом «а почему именно мне так повезло?».

Герой знаменитой арабской сказки Абу-ль-Хасан проснулся на ложе халифа – в роскошных покоях, полных слуг, евнухов и соблазнительных невольниц. Что-то похожее приключилось и со мной. Так не время ударяться в рефлекссию!.. Облаченный в халифские одежды Абу-ль-Хасан пировал с прекрасными рабынями. Награждал и карал – сидя на золотом троне. Так и я – отброшу все лишние мысли. И буду наслаждаться обществом Тии и Бхайми. Я тоже своего рода халиф на час.

...С набитой до отказа сумкой – я переступил порог квартиры И позвал весело:

– Девушки, я пришел!..

Тия и Бхайми выпорхнули мне навстречу двумя райскими птичками:

– Милый, а мы тебя заждались!..

Я прошел на кухню и принялся выгружать на стол продукты: майонез, несколько банок рыбных консервов, свежий



белый хлеб...

Тя подняла на меня свои томные агатовые глаза:

– Котик, а ты справился с моей загадкой?..

– Пока нет, – улыбнулся я. – Дай мне время еще подумать.

– Ступай-ка в комнату, – распорядилась Бхайми. – Там как раз и подумаешь. А мы с Тией состряпаем ужин. Ты – заодно – сообрази, чем будешь развлекать нас после еды...

– Хорошо... – я послушно потопал в комнату.

Сердце мое то билось часто-часто – вот-вот выпрыгнет из груди.

О боги, боги!.. Бхайми сказала: сообрази, чем будешь развлекать нас после еды. Значит – мои гурии не планируют только поужинать и отчалить. По-видимому – я проведу с девушками не один час... Кришна!.. Иегова!.. Аллах!.. Я страдалец и неудачник – но, похоже, настал прекраснейший вечер моей жизни. Я и впрямь точь-в-точь герой арабской сказки. Какой-нибудь непутевый Ала ад-Дин или Камар аз-Заман – кому счастье само далось в руки.

С кухни слышалось: гремит посуда – хлещет вода из-под крана – возятся и смеются девушки. Сгорая от нетерпения, как сухая хворостинка – я ждал, когда красавицы позовут меня ужинать.

– Все готово, соколик, – лучась радостью, сказала подошедшая Бхайми.

На кухне нам втроем было тесно. Мы перебрались в большую комнату – где расстелили скатерть прямо поверх мягко-

го пушистого ковра. В несколько заходов девушки перенесли с кухни и расставили тарелки с яствами. Тут вам и крабовый салат, и «мимоза». Половинки вареных яиц – каждая с каплей майонеза. Трехэтажные бутерброды: кругляшок копченой колбаски, ломтик сыра и кусочек селедки на белом хлебе... Фрукты в красивой вазочке: порезанное на дольки яблоко – очищенные мандарины – финики – виноград...

Бхайми разлила по стаканам апельсиновый сок – а Тия положила всем по две больших ложки крабового салата в плоски.

– За твоё здоровье!.. – сказала мне сияющая Бхайми, поднимая стакан с соком.

Тия – улыбаясь краешками губ – присоединилась к тосту. У меня голова шла кругом от приятного волнения. О, я и правда Абу-ль-Хасан, очнувшийся в халифском дворце!..

– Ты разгадал мою загадку?.. – спросила Тия.

– Да. Я думаю: стрела, выпущенная охотником в газель, была заколдованная, – стараясь, чтобы мой голос звучал бодро, ответил я.

– Неправильно!.. Неправильно!.. – смех девушек был как звон серебряных бубенчиков.

– Все очень просто, – одаривая меня улыбкой, сказала Тия. – Газель подняла ногу, чтобы почесать ухо. В этот момент охотник и пустил стрелу. Так и получилось, что – пробив ногу газели – стрела вонзилась в ухо...

– Тогда и я задам вам загадку, – расхрабрился я.

– Ну-ка, ну-ка!.. – обрадовались Бхайми и Тия.  
– Загадка такая. Почему у слона глаза красные?..  
– Сдаемся, – игриво склонила голову Бхайми.  
– Чтобы в помидорах лучше прятаться, – возвестил я.  
– Никогда не видела, чтобы слон прятался в помидорах, – по-детски выпятила губку Бхайми. А Тия пожала плечами.  
– Ага!.. – воскликнул я с видом победителя. – Вам не приходилось видеть, как слон прячется в помидорах?.. Значит – хорошо прячется!..

Девушки залились нежным смехом.

Тарелки с салатом были опустошены. Бутерброды – умяты. Апельсиновый сок – выпит.

По очереди мы сходили в ванную вымыть руки.

– Ну-с, джигит, – спросила – улыбаясь – Бхайми, – чем теперь нас повеселишь?..

Я думал над этим вопросом, пока ходил в супермаркет. Так что у меня готов был ответ:

– Девушки. Есть шахматы, шашки. Настольные игры – бродилки фишками. Паззлы... Выбирайте.

– Попробуем все, – сказала рассудительная Тия. – До утра – уйма времени.

«Девушки останутся до утра?..» – от этой мысли я ощутил сладкое томление.

Красавицы унесли на кухню и мигом перемыли всю посуду. Свернули скатерть.

– Ну доставай свои игры, – деловито сказала Бхайми.

Начали мы с шахмат.

Первую партию играл я против Тии.

Скажу честно: я считал себя неслабым шахматистом. С компьютером я рубился на уровне «продвинутый». Я подумал: если не буду зевать и буду хорошенько размышлять над ходами – Тия ни за что меня не обставит.

Пешки, слоны и кони несколько раз стукнули о клетки доски. Когда Тия выкатила вперед ферзя – я утер пот со лба, настраиваясь на длительную и упорную битву. Но Тия передвинула ферзя на одну клетку и объявила:

– Шах. И мат.

Как?!..

Я вытаращил квадратные глаза. Я же был предельно сосредоточен – и с зоркостью ястреба следил за фигурами соперницы. Как Тии удалось оставить меня в дураках?..

А Тия сокрушенно покачала головой. Гримаска недовольства перечеркнула нежное личико девушки. Тия воскликнула:

– Восемь ходов!.. Ты заставил меня сделать восемь ходов!..

Я непонимающе заморгал. А Бхайми сказала мне весело:

– Поздравляю!.. Чтобы разгромить тебя – Тие понадобилось сделать целых восемь ходов!..

Видя, что я по-прежнему не догоняю – Бхайми пояснила:

– Тия – заядлая шахматистка. Класс – как играет. И – конечно – рассчитывала матовать тебя ходов за пять. Так что

ты отлично держался, мой принц!..

И «монголочка» одарила меня таким томным горячим взглядом – что я чуть не перестал дышать.

– Давай теперь с тобой сыграем?.. – предложил я Бхайми.

– Ну, я разве что ходы знаю... – не без жеманства отозвалась Бхайми.

– Сыграй, сыграй!.. – подбодрила подругу Тия.

Расставили фигуры и пешки. Я сделал первый ход.

Кони, слоны, ладьи летали по доске. Первые десять минут я еще надеялся одолеть Бхайми. Но ее ферзь выкосил половину моих пешек. Ее слоны и кони грозно смотрели на моего короля. Я весь взмок. Зачем-то взлохматил себе волосы. И стал играть как попало – едва успевая выводить свои фигуры из-под удара фигур Бхайми.

Бхайми действовала спокойно, методично – как Наполеон или Чингисхан на поле сражения. Я пыхтел, как самовар – силясь свести дело хотя бы к ничьей. Но – как я ни изворачивался – ладья и слон Бхайми все ближе подбирались к моему королю. Пока – наконец – красавица не поставила мне мат.

– Я победила!.. Победила!.. – радуясь, как ребенок, захлопала в ладоши Бхайми.

Я кисло улыбнулся.

– Не расстраивайся, верблюжонок, – ласково сказала Тия и погладила меня по волосам.

Третью партию играли Тия и Бхайми. А я с жарким любопытством наблюдал за баталией. Красавицы проделывали

такие комбинации – что любой гроссмейстер мирового уровня рыдал бы от зависти.

То я переводил взгляд на нежные лица девушек. Брови кудесниц были сейчас нахмурены – а губы плотно сжаты. Настолько мои очаровашки были увлечены игрой.

Сороковым ходом Тия поставила Бхайми мат.

– Ну вот, Тия, – надулась Бхайми. – Невозможно с тобой играть. Ты всегда побеждаешь!..

– Не расстраивайся, подруга, – улыбнулась Тия. – Давайте лучше собирать паззлы.

Я достал три коробки с паззлами. На одной был изображен паровоз, на другом – тигренок, на третьем – тропический пейзаж.

– Давайте собирать паззлы на скорость!.. – весело предложила Тия.

– Это как?.. – не понял я.

– Каждый будет складывать свою картинку, – объяснила Тия. – Посмотрим, кто справится быстрее всех!..

Мне достался «паровозик». Тия взяла «тигренок», а Бхайми – «тропический пейзаж». Тремя кучками вывалив паззлы на ковер – мы приступили к сборке. Девушки закусили нижние губки от усердия. Глядели сосредоточенно. На какое-то время повисло молчание.

Откровенно скажу: собирать паззлы – я не мастак. Пятисот «кусочков» соединить в картинку – для меня это нечто за гранью возможного. Я ворошил свою кучку «деталей». Не

проворнее черепахи – подбирал одну «детальку» к другой. А сам поглядывал: как там дела у двух моих прекрасных лун?..

А Тия и Бхайми проворно находили нужные кусочки. Так курочка ловко склевывает рассыпанные в траве зернышки. Я с грехом пополам собрал отдельные фрагменты «паровозика» – трубу, колесо. Тем временем «тигренок» Тии был почти готов. Да и Бхайми на три четверти справилась со своими «джунглями».

– Я выиграла!.. Выиграла!.. – сладкоголосым соловьем пропела Тия, добавив последний «кусочек» в свою мозаику. Смешной тигренок, на нос которому села большая желтая бабочка – глядел своими синими глазками, как живой.

– А на втором месте – Бхайми, – вздохнул я.

Передо мной громоздилась почти не разобранный куча деталей. А у Бхайми уже ясно вырисовывалась картинка – не хватало только верхушек у пары пальм.

– Не расстраивайся, котик!.. – заглядывая мне в глаза, Бхайми ласково потрепала меня за плечо. – Давай лучше поиграем в настольную игру-«ходилку»!..

Я улыбнулся. А сам переводил восхищенный взгляд с Бхайми на Тию. Мне бы быть древнеиндийским тысячеглазым богом Индрой, чтобы полтысячи блестящих глаз уставить на Тию, а полтысячи – на Бхайми. Или многоруким Вишну – чтобы разом обнимать обеих девушек.

Еще я подумал: Тия и Бхайми – точь-в-точь прекрасные перы из персидской сказки. Вечно юные волшебницы – столь

же прекрасные, сколь и ученые; поражающие гибкостью ума. Выиграть партию в шахматы за восемь ходов и собрать картину из пятисот паззлов – под силу было, по-моему, только пери.

«Настолка» – за которую мы планировали усесться – называлась «Звери идут на водопой». И была рассчитана как раз на трех игроков. Ты управляешь четырьмя фишками: зебрами, леопардами или слонами. Задача: обойдя все препятствия – раньше соперника привести своих животных на водопой. Т.е., поставить все четыре фишки на раскрашенные синим клеточки.

Я думал: в этой игре я не оплошаю. В отличие от шахмат – тут не требуются логика и внимательность. А только везение – чтобы при бросании кубика тебе почаще выпадала шестерка.

Когда мы развернули игровое поле и расставили фишки – похожая на цветущую розу Тия сказала:

– Мы можем одной газетой прихлопнуть двух мух. Будем играть в «Зверят» – и одновременно сочинять сказку!..

– А как это?.. – хором спросили я и Бахйми.

Тия обворожительно улыбнулась:

– Очень просто. Я делаю ход фишкой – и произношу одну фразу для нашей сказки. Потом Бхайми перемещает фишку – и произносит фразу в продолжение моей... Затем ты, котик... Так мы передвигаем фишки – и, как кружева, плетем историю.



– Чудесно!.. – одобрила Бхайми.

– Давайте попробуем, – охотно согласился и я.

– Пусть первый ход будет за тобой, золотой, – проворковала Тия.

– Хорошо...

Я метнул кубик. Переместил своего слона на три клетки. И – воображая себя белобородым акыном в халате и лисьей шапке – проговорил нараспев:

– Давным-давно, в обильной птицами и зверьем степи, жил храбрый батыр...

– Он без памяти любил дочку одного могущественного хана... – в лад продолжила Бхайми, передвигая свою «зебру».

– Но вот незадача, – сказала Тия, делая ход «леопардом». – Правая нога у батыра была ослиная...

Мы с Бхайми так и захлебнулись смехом.

...Время летело птицей. Забыв все на свете – мы переставляли фишки и коллективным разумом сочиняли повесть о батыре с ослиной ногой. Глаза девушек блестели. А я чувствовал себя пьяным без вина. Я кидал жадные взгляды на Тию и Бхайми. Точно облизывал красавиц глазами. Сердце мое сладко замирало – когда девушки называли меня «зайчиком», «золотым» или «милым».

В разгар игры Бхайми вдруг сказала:

– А неплохо было бы искупаться.

– Да, да!.. – охотно подхватила Тия.

Я почувствовал, что краснею. Мне представилось: девуш-

ки – голые – плещутся в ванне. Соблазнительная картина!.. Я даже почувствовал возбуждение.

– Сейчас все организуем, – хрипловато сказал я.

В шкафу я раскопал два больших полотенца:

– Вот – держите... Шампунь, мыло, мочалка – в ванной...

– Спасибо, дорогой!.. – Бхайми чмокнула меня в щечку.

По моему телу волной пробежала дрожь.

Девушки зашли в ванную. Скоро послышался шум льющейся из-под крана воды; зазвучал беззаботный смех красавиц. Соляным столбом я застыл у двери ванной. Трудно передать, какие чувства разрывали мне грудь. Я весь трепетал – как осиновый лист на ветру.

Совсем близко от меня – отгороженные только дверью – были две прелестные девушки. Должно быть – уже скинувшие платица и намылившие восхитительные обнаженные тела. Кровь бурлила в моих венах. О, я бы пожертвовал половиной жизни – лишь бы быть по ту сторону двери вместе с девушками!.. Пощупать их тугие груди; коснуться языком затвердевших сосков...

Неутоленное желание переполняло меня. И слов нет, до чего мне было обидно.

Неужели для Тии и Бхайми я только хороший друг – с которым хорошо играть в ходилки да обмениваться загадками?.. Своего рода «подружка с яйцами»?.. А я хочу, хочу красавиц – как только парень может хотеть девушку. Как Бхайми и Тия этого не поймут?..

Я был бы так счастлив, если б одна из них стала моей девушкой!.. Да что греха таить?.. Моей мечтой было делить постель с ними обеими. Жаль, что мы не подданные средневекового арабского халифата – где иметь двух жен было нормально.

От сексуального напряжения мне хотелось кричать, как мартовскому коту.

Дверь приоткрылась. Из ванной выглянула Бхайми:

– Дорогой. А ты – что же – не будешь мыться?..

– Я?..

Прежде, чем я сообразил, что значат слова Бхайми – «монголочка» за руку увлекла меня в ванную.

Тут я увидел: Бхайми стоит передо мной обнаженная. Тия – тоже голая – сидела в ванне и мыла свои густые длинные волосы под струей воды.

Бхайми была так близко от меня... Не надо полностью разгибать руку, чтобы дотронуться до похожих на маленькие яблочки грудей... О господи, господи!.. Какая у Бхайми точеная фигурка!.. Бхайми – само изящество!.. Какие жаркие искорки пляшут в ее рысих глазах!.. Как притягателен треугольничек пониже живота – покрытый аккуратно подстриженным «пушком»...

Сердце мое дико колотилось – чуть не разбивая грудную клетку. От волнения я весь взмок. Руки у меня тряслись. А ноздри раздувались. Я так и шарил по Бхайми взглядом – останавливаясь то на бедрах, то на груди, то на чувственных

алых губах.

Бхайми смотрела на меня – и улыбалась. Спросила с восхитительным лукавством:

– Ты же не думаешь принимать ванну в одежде?..

– Что?.. Нет, нет, – чувствуя, что краснею, как зрелый томат, отозвался я.

– Раздевайся, рыцарь, – сказала Бхайми.

Я послушно сбросил футболку, брюки – чтобы остаться в одних трусах. Трусы оттопыривал мой удлинившийся и затвердевший член. Совладать с возбуждением я не мог.

– Ну что же?.. А трусы?.. – спросила Бхайми.

Я сглотнул слюну. Пульс у меня зашкаливал. Но я покорно снял и трусы – оставшись в костюме Адама.

Бхайми положила маленькую ладошку мне на грудь. И сказала:

– Тебе надо просто быть чуточку смелее...

Бхайми встала на цыпочки, сплела руки у меня на шее – и потянулась губами к моим губам.

Меня оглушило биение собственного сердца. Кровь бросилась мне в лицо. Я забыл все на свете: маму, папу, унижавших меня одноклассников, стыд. Как маленького котенка – я сгрел Бхайми в охапку; крепко прижал к себе. Губы наши слились в непередаваемо сладком поцелуе... О, это был первый в моей жизни поцелуй!..

– Какая... какая ты милая... – шептал я, не разжимая объятий – и целуя губы, щеки, глаза, волосы Бхайми.

Не знаю, сколько мы так стояли – минуту или вечность. Я бы сказал: это была минута, которая стоила вечности. Потом Бхайми аккуратно высвободилась из моих рук – и села в ванну. Позвала:

– Иди к нам.

Я тоже влез в ванну – и оказался между Тией и Бхайми. К Тие я был повернут лицом, а к Бхайми спиной. Нам было тесно втроем в маленькой ванне. Но – по-моему – это был тот самый случай, когда на сто процентов работает народный афоризм: «В тесноте – да не в обиде».

Я был в ванне с двумя голыми девушками.

В ванне. С двумя. Голыми. Девушками.

О Брахма, Вишну и Шива!.. Наверное, в прошлых рождениях я совершил уйму добрых дел – раз вы меня так наградили!.. Я – лузер, слабак, груша для битья. Еще сегодня утром я не мог и вообразить, что в руки мне упадет такое счастье.

Тия одарила меня улыбкой и скромно потупилась. А я откровенно тарасил на «персиянку» глаза. Боже, до чего она была хороша!.. Мокрые волосы струились потоком, липли к шее. От мерного дыхания слегка поднималась и опускалась маленькая девичья грудь. У нежных губ темнела родинка.

Бхайми сказала: «Тебе надо быть чуточку смелее». Интересно: Бхайми будет ревновать, если смелее я буду не только с ней, но и с Тией?.. Наверное – нет. Не зря же Бхайми позвала меня в ванную – где обе девушки ждали меня голыми.

Набравшись дерзости – я потрепал Тию за щеку. Потом погладил по волосам. По всему моему телу разлилась истома. Я наклонился к Тие – и поцеловал красавицу в губы, в лоб. Запустил пальцы в ее черные локоны.

И вы знаете, что сделала эта стыдливая луна?..

Она обхватила рукою мой эрегированный член. В этот момент мое возбуждение достигло пика. По спине у меня запрыгали мурашки. В следующую секунду последовала разрядка. Я тихонько застонал – изливая сперму.

– Милый!.. – сказала Тия, целуя меня.

Бхайми принялась массировать мне плечи. Сказала:

– Расслабься.

Довольный, как объевшийся сметаны кот – я прилег, положил голову на колени Бхайми.

Из-под крана хлестала вода – потихоньку наполняя ванну. Я разнежился в объятиях двух прекраснейших на свете девушек. Тия вооружилась мочалкой – и принялась скоблить мне тело. А Бхайми – капнув мне на волосы шампунь – мыть мою голову.

Я разве что не мурчал от удовольствия. Закрыв глаза.

Скоро я снова почувствовал возбуждение. Посмотрел сначала на Тию, потом на Бхайми. Я не мог решить: какую из девушек притянуть к себе – так, чтобы вторая не обиделась.

Мой горячий взгляд выдал мои нескромные мысли. Бхайми сказала, смеясь:

– Я охотно уступаю Тие. Сделай это с ней. А когда пере-

местимся на кровать – будет моя очередь.

Не передать, каким волшебным бальзамом (да что там!.. – амброзией, амритой) были для меня слова Бхайми. Девушки не прочь сыграть со мной во «взрослые игры». И даже не ревнуют меня друг к другу. Султан Сулейман так не наслаждался в своем гареме, как я с Тией и Бхайми.

Как был в мыльной пене – я обвил левой рукой тонкую талию Тии. А правой – немножко грубо запрокинул голову красавицы-«персиянки». Жадно – как измученный зноем пустыни дервиш к кувшину воды – припал я к губам Тии. Мы долго не прерывали жаркий поцелуй. Покусывали друг другу губы и сплетали языки.

Затем я переключился на грудь Тии. Я поцеловал правый сосок... Левый... Родинку у левого соска. Потом провел ребром ладони у Тии между грудей... От моих ласк Тия постанывала. И вся покрывалась «гусиной» кожей.

Мой взгляд сместился красавице под живот. Я отметил: если у Бхайми заветный «треугольничек» был в легком пушке – то у Тии начисто выбрит.

Во мне клокотала дикая страсть – готовая брызнуть фонтаном. Как в два черных омота – я смотрел в глаза Тии. Я видел, какая она слабая и хрупкая. И от этого пламя в моем сердце разгоралось сильнее. Вновь обняв Тию – я вошел в нее затвердевшим членом.

Тия тихонько вскрикнула.

Чуть ли не ревя голодным тигром – я резко двинулся в

ней. У Тии закатились глаза. Приоткрылись алые губы. Она уронила голову на плечо. Совершив очередной толчок – я выплеснул в Тию сперму. Мне стало хорошо. Запредельно хорошо. Я аж издал протяжный стон.

Я выпустил Тию из объятий.

– Теперь давай приведем тебя в божеский вид. Ополоснем, – весело сказала Бхайми. – А потом вымоемся мы с Тией.

– Хорошо... – отозвался я.

– Ну-ка, подними руки, – велела Бхайми.

Я повиновался.

– У-у, какие у тебя кусты!.. – глядя на мои заросшие подмышки, протянула Бхайми.

Она вооружилась моей электробритвой и мигом убрала волосы у меня из подмышек – а заодно и с лобка. Мне стало очень приятно. Освободившаяся от волос кожа – которую Бхайми, вдобавок, увлажнила гелем – «задышала».

Затем Тия и Бхайми ополоснули меня под душем – смыли с меня всю пену. Посвежевший, чистый, избавившийся от лишней растительности – я вылез из ванны. И стал смотреть, как моются Бхайми и Тия.

А эти озорные девчонки точно задались целью до предела меня возбудить. Томно глядя друг другу в глаза, слегка постанывая – красавицы гладили одна другую намыленными руками. Особое внимание уделяя груди и «зоне бикини».

Я смотрел – и у меня текли слюнки. Хотя я только что



слил сперму – я ощущал сладкое волнение. Член удлинился и потяжелел – как бы готовясь к новому бою.

Наконец – в капельках воды, с распушенными душистыми волосами – девушки выбрались из ванны. Втроем – как были, голые – мы переместились в комнату. Обтерлись полотенцами. Я пожирал девушек глазами.

Смугляночка Тия стояла, потупившись. Бхайми – смотрела прямо и дерзко. А я – как Буриданов осел перед двумя кучками корма – не мог решить, что меня больше притягивает. Нежность и скромность Тии?.. Или буйная энергия и бесстыдство Бхайми?..

– Ну что, богатырь?.. – грациозная, как рысь, Бхайми подошла ко мне маленькими шажками. – Начнем игру?..

И – с мелодичным смехом – подтолкнула меня к кровати. – Ложись. Ложись-ка на спину, дружок.

Я послушно вытянулся на кровати. А Бхайми – поправив локон и стрельнув в меня блестящими глазками – села мне на бедра.

Член мой – от соприкосновения с девичьей плотью – вырос и затвердел. Бхайме рассмеялась звонким – чистым, как родник – смехом. Она ввела в себя мой член и – оперев руки мне в грудь – начала совершать движения вверх-вниз. Испытывая неземное блаженство – я разве что не мурчал, как кот, которому чешут за ухом.

Сперва Бхайми двигалась неторопливо. Но она постепенно наращивала скорость – пока не взяла по-настоящему бе-

шенный темп. Грудь Бхайми колыхалась. Волосы спутались. Девушка в самозабвении скакала на моем члене – и восклицала:

– О, да!.. Да!..

Мы оба стонали от страсти и удовольствия.

– Да!.. Да!.. Да!.. – Бхайми красиво изогнулась, запрокинула голову, прикрыла рот ладошкой.

Я фонтанировал в Бхайми спермой. В следующий момент красавица отклеилась от меня – и растянулась на кровати, еще раз прошептав:

– О да!..

Подошла Тия. Не поднимая глаз – она улыбалась. Возбравшись на кровать – устроилась у меня в ногах. Я сел, притянул Тию к себе и нежно поцеловал. Мужской инстинкт подсказывал мне: после того, как я вкусил плоды наслаждения с Бхайми – следует снова уделить внимание Тие.

Левой рукой я обнял за талию Тию, правой – Бхайми. Девушки перемигивались и тихонько смеялись. Казалось: так – расправляя крылья – перекликаются голубки.

– Вы, девушки, случайно не проголодались?.. – спросил я.

Сам я – после сжигающих энергию «взрослых игр» – чувствовал, что мне не помешает подкрепиться.

– В самом деле, – сказала Бхайми. – Стоит перекусить. Пойдем, Тия, нарежем бутерброды.

Когда девушки ушли на кухню – я, крякнув довольным селезнем, встал с кровати и выглянул из окна.

Город был погружен в ночную черноту – которую просверливали только оранжевые лучи одноглазых фонарей. Да горели желтыми прямоугольниками несколько окон соседнего дома. Мне захотелось ущипнуть себя: не сплю ли я?..

Еще сегодня утром я был лишь жалкий студентик – ждущий от жизни только новых пинков. Объект издевательств для хулиганов-одногоруппников и послушный сынок авторитарных родителей. Как же с таким неудачником и лузером произошло настоящее чудо?..

Я встретил двух – да: не одну, а двух!.. – прекрасных девушек. Настоящих кудесниц, пери. И эти две бесподобных луны точно разогнали окутывающую меня тьму. Одарили меня дружеским общением и любовью – не требуя ничего взамен. Разве это не сон?.. Или я наяву попал в сказку?..

До сих пор в своей заветной тетрадке я прозой пересказывал дастаны из Шахнаме или перекладывал на стихи древнеегипетские мифы. Но – кажется – пришло время записать историю о чуде, произошедшем со мною самим.

### **3. Освобождение**

...Я очнулся на скомканной постели. В голове у меня раздавались шумы – похожие на звуки радиопомех. Все тело точно обвесили свинцовыми гирями – пальчиком не пошевелишь. С большим трудом я оторвался от простыни и подушки.

В окно смотрело серое беспросветное февральское небо – сыплющее белые снежные хлопья.

Господи боже!.. Сколько сейчас времени?.. На дворе давно день. Может быть – уже даже вечерет. А я... я не поехал сегодня в колледж!.. Я проспал занятия!.. Я – пай-мальчик и прилежный студияозус...

Завтра должны вернуться из гостей папа с мамой. Когда родители спросят: «Как дела в колледже?..» – что я скажу?.. Мне придется изворачиваться, как желтобрюхому полозу. Убедительно лгать.

Я проспал контрольную по химии... Единственное, чему можно порадоваться: сегодня я избежал вымогательств Вора, наездов Пса и тяжелых кулачищ рыжего Адольфа и попа Гаврилы.

Течение моих мыслей постепенно изменило направление. Почему так вообще получилось, что я не попал в колледж?.. Я же всегда – даже, черт возьми, по выходным – Ванькой-встанькой поднимался ровно в семь утра. Выработал солдатскую привычку. Что я делал вчера вечером?..

Тия?.. Бхайми?..

Бр-р-р!.. Я зажмурился и помотал головой – как бы прогоняя наваждение.

Я вчера пировал, разгадывал загадки и – извините!.. – трахался с двумя обворожительными красавицами, напоминающими сказочных пери?.. Притом, что я ничего не знаю об этих кудесницах. Они – разве что – имена назвали: Тия и

Бхайми...

Да ну. Бред какой-то. Так не бывает. Не бывает.

Чтобы «замутить» с девушкой – надо быть крутым парнем с серьгой в ухе, в кожаной куртке и в шипастых ботинках. Или – во всяком случае – при деньгах. Дабы угостить мадмуазель роллами и суси в японском кафе. Подарить барышне кулон на золотой цепочке. А когда дело пойдет далеко – снять номер в отеле, не забыв прихватить презервативы и минералку.

Я ни разу не крутой. Да и с червонцами у меня туго. У меня на карточке или в кошельке ровно столько денег, сколько выделяют мне родители, чтобы в колледже на переменке я мог заесть стаканчик кофе «три в одном» булочкой с маком.

Вот вам и вопрос на два миллиона кусков. Мог ли такой слизняк, как я – привести домой двух красавиц?.. Да еще с каждой из них заняться сексом?.. Я – неспособный постоять за себя рохля, кого хулиганы-одногоруппники валяют по полу и заставляют жрать бумагу...

Ответ очевиден – и не только для мудреца Соломона.

Но если я не миловался с Бхайме и Тией – тогда?.. Неужели мне все приснилось?..

Эта простая разгадка была как глоток отвратительной горькой касторки.

Как говорят казахи: раз в году и у свиньи бывает праздник. А мой праздник оказался сном, расплывчатым миражом!.. От обиды мне хотелось кусать губы и биться голо-

вой о стену. Почему жизнь со мной так жестока?.. Тут в порыве уверовать в карму, в буддийско-индуистские перерождения. Что я в прошлом своем существовании был тигром-людоедом – а теперь расплачиваюсь за каждую искромсанную жертву.

Но нет. Дело – конечно – не в карме. Просто мир несправедлив. Такие, как Гаврила и Адольф – вволю будут пинать и унижать «ботаников», «хлюпиков» и «очкариков». И ничего хулиганам за это не будет. А страдальцам вроде меня – только и остается, что заниматься сексом с красивыми девушками в своих фантазиях.

Тут в голове у меня щелкнул какой-то «рычажок». Я поднял руку – и с подозрением глянул на свою подмышку. Мама дорогая!.. Бабушка Иисуса Христа!.. Подмышка была гладкая – без единого волоска.

Я довольно неряшливый парень – никаким боком не метросексуал. С чего бы мне взбрело прошлым вечером избавляться от растительности в подмышках?.. Зато перед глазами у меня с поразительной четкостью – в цвете – встала картинка: я сижу в ванне в компании двух сияющих улыбками обнаженных красавиц; «монголочка» Бхайми ловко орудует триммером – избавляя меня от «зарослей».

Я подпрыгнул, как мангуст. Метнулся к кровати – и ткнулся носом в подушку. Подушка – как будто – хранила волшебный запах девичьих волос. Плюс я нашел один длинный темный волосок. Явно не мой – блондина с относительно ко-

роткой стрижкой.

Сердце мое так и загремело янычарским барабаном. Дрожащей рукой я утер пот со лба. И вылетел из комнаты в прихожую. Я сунул руку в свой висящий на крючке рюкзак, достал томик Махабхараты, раскрыл... И обнаружил две... листовки.

Две. Цветастых. Листовки.

С одной улыбалась раскосая кудесница Бхайми. С другой – милая смуглянка Тия. Портреты – выполненные мастером от бога – воспроизводили мельчайшие черточки облика двух красавиц. Листовки чуть не выпали из моих разжавшихся пальцев. Я едва устоял на ногах. Эти листовки... Я их получил из рук самих девушек – которых встретил вчера под хлопьями мокрого снега, у стеклянных дверей метро.

Боже, боже. Я держу сейчас в своих трясущихся руках вещественное доказательство того, что в гостях прошлым вечером у меня побывали две жгучих прелестницы – Бхайми и Тия. Если б не листовки – я бы так и остался при убеждении, что видел сон или бредил.

И как же я развлекал своих прекрасных гостей?..

Мы играли в шахматы?.. Собирали паззлы?.. Объедались разными вкусностями и пили апельсиновый сок?.. Принимали ванну?.. И – под занавес – занимались сексом?.. Неужели все это – тоже правда?.. В пору вообразить, что надо мной подшутили джинны. Сердце мое стучало все громче – чуть не выпрыгивая лягушкой из груди.

Торопливыми шагами я прошел на кухню.

В холодильнике я обнаружил полбатона копченый колбасы, почти пустой пакет апельсинового сока и глубокую тарелку с остатками крабового салата.

Я зачерпнул немного салата. Вкусно!.. Не приходится сомневаться: девушки в самом деле побывали у меня. Моих-то кулинарных талантов хватает разве что на яичницу да на хлеб с маслом. А колбасу и сок я принес из супермаркета по поручению красавиц...

Куда же делись Тия и Бхайми?.. Мои воспоминания обрывались на том, что девушки направились на кухню нарезать новую партию бутербродов. Дальше – у меня точно отшибло сознание.

Кровь в моих венах взбурлилась. Я аж топнул ногой.

Я должен отыскать, отыскать Тию и Бхайми!.. Нас связала тонкая, но крепкая ниточка. Я не допущу, чтобы эту ниточку перерезали ножницы злого рока. После того, как ты предался любви с двумя прекрасными гуриями – невозможно жить прежней серенькой жизнью. Лучше вылить себе в глотку стакан смертельного яда...

Но куда пропали две красавицы?.. Они растаяли, как облачко. Ни номера телефона не оставили, ни адрес. Как же мне выловить двух этих золотых рыбок в безбрежном океане мегаполиса?..

Топай к метро!..

Конечно – надо топать к метро. Твои ненаглядные пери



стоят у стеклянных дверей. И распространяют свои странные листовки.

Я поскорее влез в ботинки, набросил куртку – и ломанулся из квартиры. Расстояние от подъезда до входа в метро – восемьсот метров – я пролетел гепардом. Остановился, выдыхая пар. Бросил взгляд по сторонам.

Прозрачные двери открывались и закрывались, пропуская два человеческих потока: один – втекал в метро, другой – вытекал из метро на улицу. Шубы, шапки, грохот сапог... Красные от колючего мороза физиономии...

«Человек-бутерброд» с фиолетовым лицом в бугорках – раздавал приглашения в «настоящую итальянскую пиццерию». Другая распространительница рекламы – бабушка божий одуванчик – вещала скрипучим голосом:

– Обувь от французских производителей. Распродажа!..  
Не было только Ти и Бхайми.

Снова меня кольнула мысль: а не было ли все сном?.. Но я достал из кармана листовки – глянул на портреты двух кудесниц. И уверился: нет – все было по правде. Не сам же я нарисовал в графическом редакторе и распечатал на цветном принтере портреты красавиц!..

Но где, где же тогда мои апсары?..

Затравленным зверем я ткнулся туда-сюда. Обежал окрестности. Зачем-то заглянул в супермаркет. В бутик, в котором торговали парфюмерией... Но девушек – конечно – нигде не нашел.

Меня обожгла вдруг страшная догадка. Что если Тия и Бхайми раздают сегодня листовки у другого метро?.. Выберут другого «хорошего мальчика»?.. И развлекутся этим вечером с ним – а не со мной?.. Что если две чертовки, казавшиеся мне ангелами – на деле безбашенные искательницы амурных приключений, каждые сутки соблазняющие нового сопляка-лузера?.. Жестокие похитительницы сердец?..

От таких мыслей мне стало плохо. Я чуть не споткнулся на ровном месте. Поднял голову: небо – все обложено пузатыми серыми тучами – сыпало снег. Казалось: на этих тучах сидят многорукие индийские боги – и насмеваются надо мной.

Конечно!.. Я лишь чуть-чуть глотнул вина райского наслаждения. А когда снова потянулся к бокалу – меня железной клешней утянули за шиворот назад.

После того, как я занялся любовью с Бхайми и Тией – возвращаться к прежней жизни забитого одиночки было невыносимо.

Слеза побежала по моей щеке. Я слизнул соленую каплю, докатившуюся до краешка губ. У меня дернулся кадык. Опушоженный, подавленный, с расколотым сердцем – я побрел домой.

Не передать, в какой тоске провел я остаток дня. Стены квартиры – казалось – грозили сомкнуться и расплющить меня. Я метался из комнаты в комнату – как тигр по вольеру. То падал на кровать – в подушку лицом – и ненадолго

затихал.

Плача – я доел крабовый салат, порядочно измазав майонезом губы. Не то чтоб я был голоден. Но, прикладываясь к ложке – я чувствовал «мистическую» связь с Тией и Бхайми, приготовившими этот салат.

Отчаяние душило меня, как анаконда свою добычу.

И все-таки в глубине моей души теплилась надежда. Ну не мог, не мог я до конца поверить, что Тия и Бхайми кинули меня, променяли на другого хлюпика или на brutального качка. Я вообразил: Бхайми и Тия любят меня не меньше, чем я красавиц. Если девушки – не попросившись – покинули меня, значит были на то причины. Мы еще встретимся. Мы еще обязательно встретимся. Будем есть крабовый салат – пить апельсиновый сок – по-взрослому забавляться в постели.

Я подумал: если мои возлюбленные подобны пери из сказки, если сама наша встреча была точь-в-точь сказка из «Книги тысяча и одной ночи» – значит и дальнейшие события должны развиваться по «сказочной логике». Царевичу привиделась прекрасная принцесса. Влюбленный в мечту – он облачился в кольчугу, привесил к поясу кинжал в инкрустированных рубинами ножнах, сел на коня и поехал искать по всему свету свою красавицу.

Так и я. Не должен ли я – как богатырь Фархад прелестную Ширин – разыскивать Тию и Бхайми?.. Рано или поздно петляющая тропинка выведет меня к моим кудесницам.

В таких фантазиях я черпал силы – чтобы не сойти с ума.

Последние дневные часы тянулись бесконечно долго – как в тюремном заключении, когда ты знаешь, что тебе мотать срок еще двадцать лет. Едва лишь за окном почернело и зажглись глаза фонарей – я разделся и залез под одеяло.

Сон долго не приходил. Я смотрел в темноту – размывающую контуры предметов – и видел Тию и Бхайми. Девушки улыбались, переглядывались и протягивали мне руки.

Нет – думал я – мои красавицы не могли быть обманщицами. Слишком искренним был девичий смех. Слишком жарко пылали глаза Тии и Бхайми. И с какой страстью девушки мне отдавались!..

Нет. Нет. Нет. Мои гурии не одурачили меня. Просто я должен их найти. Считай, дружок: судьба устраивает тебе – как настоящему эпическому герою – проверку на прочность.

Я незаметно соскользнул в сон. Мне снились – конечно – Тия и Бхайми.

Вот мы идем по желтой песчаной полоске пляжа – вдоль мерно колыхающегося зеленоватого моря. Собираем камушки и ракушки. На Тие – белый купальник, а на Бхайми – розовый. Девушки залиvisto смеются. Играют в догонялки. Резвятся, как маленькие козочки. Потом я занимаюсь сексом – сначала с Бхайми, а затем с Тией – на мокром песке, прямо в набегающих волнах. О, даже во сне это было непередаваемо сладко!..

Мне снилось дальше: в доспехах и при мече, на вороном

коне, подобный иранскому богатырю Рустаму – я подъезжаю к черной пещере. Я знаю: там держит моих возлюбленных в плену страшный дракон. И вот – выдыхая огонь и дым – показывается чешуйчатое чудовище. У монстра четыре головы на длинных шеях. Это головы Вора, Пса, Гаврилы и Адольфа.

«Ну-ка, гони червонцы!..» – кривя губищи, говорит голова Вора.

«Оле-оле-оле!..» – затягивает дебилскую фанатскую песенку голова Пса.

«Сейчас мы тебя одной лапой раздавим, мразь некрещеная!..» – рычит на меня голова попа Гаврилы.

«Осквернитель расовой чистоты!..» – выплевывает сноп пламени голова рыжего Адольфа.

Я обнажаю меч. Конь мой ржет и встает на дыбы...

– Лопушок, лопушок!.. Просыпа-а-айся!.. – донеслось, как с другого конца Вселенной.

Я с трудом разлепил веки – с еще большим трудом сообщая: вернувшаяся из гостей мама пришла меня будить.

– Поднима-а-айся, лопушок, – так же растягивая слова, пропела мама, – а то опозда-а-аешь в колледж!..

Колледж...

От одного этого слова я переполнился таким диким отращением – какого не испытывал никогда. Притом, что я и раньше не пылал – как вы понимаете – к колледжу любовью.

Я закрыл глаза – надеясь вернуться в мир снов, где я был

героем в кольчуге, сражающимся за своих прекрасных возлюбленных. Но мама уже трясла меня за плечо и с настойчивостью повторяла:

– Поднимайся!.. Поднимайся!.. Через два часа тебе надо сидеть на уроке.

Что оставалось делать?..

Я вылез из-под одеяла. Умылся. Позавтракал яичницей с докторской колбасой. И поехал в свой гребаный колледж.

Но... но я сам не догадывался, как изменила меня встреча с Бхайми и Тией.

Как бы коротко передать, что я приобрел, проведя вечер с девушками?.. Чувство собственного достоинства и желание счастья. Ала ад-дин – хоть недолго державший в руках волшебную лампу – уже не согласится оставаться базарным попрошайкой.

Попробовав, как сладки губы и упруги груди у двух прелестных гурий – я уверовал: я имею право быть счастливым. Общаться с милыми девушками – а не со шпаной вроде всяких Гаврил и Адольфов. Слушать нежный мелодичный женский смех – а не матерную брать какого-нибудь Пса.

Но это не все. Чего я сразу не понял: я и наяву стал немножко богатырем из своего сна. Во мне родилась решимость бороться за лучшую долю. Защищать свою честь. И обнаружилось это в вонючем колледже.

После урока химии – на большой перемене – я зашел в столовую перекусить. Взял булку с маком и чашечку молоч-

ного кофе. Приземлился за свободный столик. Не успел я умять и половину булки – как в столовую с наглым оскалом (я не могу сказать: с улыбкой) вплыл Вор. И – подергивая плечами – направился (ну конечно!..) ко мне.

Остановившись передо мной – Вор побарабанил костяшками пальцев по столу и выдал:

– Эй, молокосос!.. – (Вообще-то – мы были ровесники). – Гони бабло, я тоже жрать хочу!..

Я задрожал и нервно сглотнул слюну.

Еще вчера я бы покорно – как загипнотизированный удавом кролик – протянул бы Вору червонцы. А тот – наградив меня пинком – пошел бы покупать себе бутерброд с сыром и лимонный чай. Но я...

Я встал, выпрямил спину и сказал – тихо, но отчетливо:

– Я не обязан тебе ничего давать.

Вор аж присвистнул от изумления:

– Что... что ты сказал?..

Я повторил решительнее и громче:

– Я. Не обязан. Тебе. Ничего. Давать.

Сидящие за столиками студенты уже оборачивались на нас. Кто – с тревогой, кто – с некрасивым любопытством.

– Ах ты ж, ублюдок!.. – истерично воскликнул Вор (как будто уродцу на ногу наступили). И врезал мне кулаком в живот.

Я охнул, качнулся – но не упал.

– Ну-у?.. – скрипнул челюстями Вор – полагая, что одним

ударом сломил мою волю.

И тогда я сделал то, чего сам от себя не ожидал. Я схватил свою чашку и выплеснул недопитый кофе Вору аккурат в морду – широкою, как совковая лопата.

– Мра-а-а-азь!.. – громила завертелся громила, протирая глаза.

Девочки-студенточки повскакали с мест. Парни тоже поднялись на ноги. Четыре десятка глаз уставились на меня и на Вора. Но никто – ну разумеется!.. – не думал вмешиваться.

Вор замахнулся на меня кулачищем. Но первый удар пришелся по воздуху. Вторым ударом Вор таки чиркнул меня по лицу.

Я пошатнулся. Надо было бы убежать – сверкая пятками. Но я вместо этого сжал кулак и ударил Вора.

– Что?!.. Да как ты смеешь?!.. – так и подпрыгнул Вор.

Для него – очевидно – унижительно было получить отпор от такого жалкого хлюпика, как я.

Вор – красный, как вареный рак и чуть ли не с пеной на оттопыренной нижней губе – от души заехал мне под ребра. И следом треснул меня по голове. Я растянулся на полу. Вор – у которого разве что искры из глаз не сыпались от ярости – принялся пинать и топтать меня. Уткнувшись лицом в линолеум – я только прикрывал руками затылок.

– Свинья!.. Подонок!.. Скотина!.. – пронзительно визжал Вор. Он явно потерял самообладание.

– Полковник идет!.. – подал голос кто-то.



При упоминании о грозном директоре колледжа – толпа вмиг рассеялась. Кое-кто из божьих студентиков сел обратно за столики – но большинство предпочло утечь из столовой.

Вор в последний раз пнул меня. Бросил через плечо:  
– Мы с тобой еще не закончили.

И – топая, как слон – покинул столовую.

Под любопытные взгляды немногочисленных оставшихся в столовой студиязусов – я поднялся с пола. Отряхнулся. Пригладил свою взлохмаченную шевелюру. Криво ухмыльнулся: я ведь – можно сказать – победил.

А что?..

Вор хотел вывернуть мой бумажник. Балбесу это не удалось. Правда – Вор впечатал меня в пол. Но какие шансы я – тощий, как глиста – имел против ходячего шкафа?.. Главное – я попытался сопротивляться. Я даже попал по Вору кулаком.

Растрепанный, помятый – но исполненный чувства собственного достоинства – я, не обращая внимания на тарашащих на меня глаза студентиков, прошествовал из столовой в коридор.

В коридоре я чуть не наскочил на попа Гаврилу и рыжего Адольфа. Они пристально поглядели на меня. Адольф криво усмехнулся. А поп Гаврила – поглаживая бороду – заметил:  
– А ты крутым стал...

Я скосил на Гаврилу и Адольфа один глаз – и с гордо поднятой головой проплыл мимо. Хулиганы не стали меня пре-

следовать.

Переменка заканчивалась.

Но вместо того, чтобы торопиться на урок физики – я вышел во двор.

Маленький двор перед главным входом корпуса был весь замусорен надорванными пакетиками из-под чипсов, сплюнутыми комочками жевательной резинки и даже использованными презервативами. Летел мокрый снег – который таял, едва соприкоснувшись с черным от влаги асфальтом.

Я посмотрел в мутно-серое небо – как будто ища ответы на свои вопросы.

Я думал сразу обо всем. О Ти. О Бхайми. О себе. О том, что мне делать со своей жизнью.

Мне семнадцать. Формально – еще не совершеннолетие. Но я достаточно взрослый, чтобы решать: чего я хочу – а чего не хочу. Чтобы самому собою распоряжаться. Но почему-то я точь-в-точь рыбешка, проглотившая крючок – которая, испытывая адскую боль, плывет ровненько в ту сторону, в которую поведет удочку садист-рыболов.

Родители запихнули меня в колледж. С того дня я зубрю ненавистные и непонятные мне предметы – вроде физики и химии. Терплю издевательства от гиен-одноруппников. Теряю нервные клетки. Но я ведь не хочу – не хочу!.. – этого. А хочу писать в заветной тетради сказки и баллады. И обнимать Тию и Бхайми.

«Ну так бери свою судьбу в свои же руки», – совершенно

явственно услышал я напоминающий журчание ручейка голос Бхайми.

«Каждый – сам кузнец своего счастья», – маленьким декоративным колокольчиком прозвенел голосок ТиИ.

Будь я верующим – в пору было бы перекреститься. Что за чертовщина?.. С разинутым ртом – я посмотрел по сторонам. Но на дворе никого не было. Не то что Бхайми и ТиИ – но и мирно покуривающих студиязусов. Переменка кончилась – студенты расползлись по аудиториям.

С чего я «слышу» ТиИ и Бхайми?.. Уж не поехал ли я головой?.. Ничего не понимая – я поскреб в затылке и снова обшарил глазами двор.

Но – в конце концов – то, что сказали «голоса» было верно и на удивление просто. Надо брать свою судьбу в свои руки. Ковать свое счастье. Вновь глянув в беспросветное небо – я радостно рассмеялся. Да!.. Я расплавлю держащую меня цепь. Я буду жить так, как считаю нужным.

Я вернулся в колледж – забрать из гардероба куртку. Надев куртку – опять вышел во двор. Постоял с минуту – и неторопливыми уверенными шагами двинулся в направлении метро.

Сегодня у нашей группы значились по расписанию еще два урока. Но меня это мало волновало. Я уходил из колледжа навсегда.

Пройдя метров пятьдесят – я в последний раз обернулся на темнеющее сквозь снег и мокрый туман четырехэтажное

здание колледжа. Корпус казался вытянувшимся грязно-бурым драконом. Квадратные окна – не то зияющие пасти, не то глазища, с кровожадностью смотрящие мне вслед.

Я освободился от чудовища.

## 4.Сказка

Что дальше?..

А дальше я покатился, как ускользнувший от деда с бабкой колобок. Для которого нет возврата. И оставалось только надеяться: в отличие от известного сказочного персонажа я не буду сожран ни лисой, ни волком.

Можно годами скулить, находясь в тягостной ситуации – как бы зажатый в тиски. А можно повести плечами, встряхнуться – и стать, наконец, свободным.

Так я и поступил. Я распрощался с чертовым колледжем. Но я понимал: этого недостаточно. Чтобы твердо стоять на ногах – я должен найти работу. Если останусь зависимым от родителей – папа с мамой всеми правдами и неправдами запихнут меня обратно в колледж. Нет!.. Пора самому зарабатывать себе на кусок хлеба с маслом.

И я опубликовал резюме на сайте работа-и-зарплата-нет. Я претендовал на должность курьера. Не самая солидная работенка – но лучше, чем мойщиком туалетов. А на какое-нибудь более почетное и денежное место я претендовать не мог – со своим-то юным возрастом и отсутствием опыта.

Хорошо, что родители были по самую макушку погружены в собственные дела. Пять дней в неделю пропадали в офисах. И не засекли, что я не езжу в колледж и ищу работу.

Поиски мои не затянулись.

Скоро я катался по городу с архиважными документами в синей папке под мышкой. Первые дни было – с непривычки – тяжело. Ноги гудели. Но постепенно я втянулся. Пока меня мчал электропоезд по черному тоннелю метро или автобус вез по магистрали – я утыкал глаза в томик Махабхараты либо Шахнаме. А меря шагами улицу – перекусывал горячим пирожком из ближайшего бистро.

Вечером – дома – я открывал свою заветную тетрадку. После рабочего дня – такими сладкими кажутся часы отдыха!.. Я излагал стихами древний согдийский миф о богатыре Рустаме. Или прозой – историю царевича Сиявуша. Не засиживаясь допоздна – ложился спать. Мне снились Тия и Бхайми.

Родители время от времени интересовались, как дела у меня в колледже.

– У тебя все хорошо?.. – поправляя волосы и крутясь перед зеркалом, спрашивала мама.

– По физике двоек не нахватал?.. – пристально глядел сквозь квадратные очки папа.

«Все хорошо» – «Не нахватал». Нагло соврать мне было как переобуться.

Я давно усвоил: родителям надо говорить только то, что они хотят услышать. Попробуй скажи: «Я не понимаю, как

работают законы Ньютона» – «Одногруппники мучают и травят меня» – «Я бросил колледж». Тут такой поднялся бы скандал!..

Мама схватилась бы за сердце: «Где моя валерьянка?!..». А у папы от возмущения разве что дым не повалил бы из ушей и не засверкали бы молнии за стеклами очков. Под потолок полетели бы вопли: «Наказание ты наше!.. А мы холили и лелеяли тебя, поили и кормили!.. И вот благодарность за все заботы!.. Почему – господи!.. – ты не можешь просто быть как все?.. Почему ты такой проблемный?..».

Нет уж. К черту, к черту. Пусть лучше папа с мамой пребывают в счастливом неведении начет того, что у меня творится.

К середине марта я был точь-в-точь распустившийся цветок на крепком стебле. Длинноногий бегун-курьер – я напоминал поджарого гепарда. В книжке «Тысяча и одна ночь» на полке в моей комнате хранился конверт с моей первой зарплатой. Я почти ни на что не тратился – так как кормился за родительским столом; папа и мама по-прежнему ничего не знали о моем трудоустройстве.

Таял снег. По улицам – метя мусор – гулял живительный прохладный ветерок. Дни, когда небо было мутно-серым – чередовалось с днями, в которые в разрывах между молочно-белыми облаками сияла нежная голубизна и улыбалось солнце.

Я радовался каждому лучику ласкового светила. Дышал

полной грудью. А бывало – с рюкзаком за плечом шлепая по зеленоватым лужам – мурлыкал себе под нос популярную песенку о любви.

Не одну неделю я не появлялся в колледже. Не видел забияк-однорупников. Не одну неделю надо мной никто не измывался. Это было... волшебно. Так спокойно было шагать по улице, зная: никто не собьет тебя подножкой на залитый слякотью асфальт – не сунет тебе за шиворот апельсиновую корку – не приклеит тебе на спину обслюнявленную бумажку.

О, я больше на затравленный студентик!.. Я рассудительный серьезный юноша – способный сам себя прокормить.

И все же чего-то мне не хватало.

Я не мог забыть рысьи жаркие глаза Бхайми. Улыбку на нежных губах-лепестках Тии. О, я не мог забыть, какое блаженство испытал в объятиях двух прекрасных девушек. Как будто душа моя на несколько часов покинула тело – и слетала в рай.

Я бы решил: встреча с девушками была наваждением. Игрой разгоряченного воображения. Но с цветастых листовок – которые я всюду носил с собой заложенными в томик Махабхараты – на меня смотрели мои красавицы. Это была неразгаданная загадка, перед которой спасовал бы Эдип.

Зачем Тия и Бхайми раздавали у метро свои портреты?.. Почему так легко пошли на контакт со мной – ничем не примечательным серым мышонком?.. Наконец – отдались мне,

ничего не требуя взамен?.. А потом исчезли – как тает легкая дымка.

Я думал о двух моих лунах дни напролет. По ночам видел девушек в ярких эротических снах. Просыпаясь – один на мятой постели – я шептал:

– Тия... Бхайми... Где вы?..

Красавицы были моими ангелами. Духами-покровителями. Ведь это встреча с девушками стала поворотным моментом в моей жизни.

После ночи с обворожительными – как из ниоткуда появившимися – красавицами я захотел жить по-настоящему. Парить, как сокол. То, что я сейчас бегал курьером, не сносил унижений и прятал в книжке «Тысяча и одна ночь» денежку – было заслугой девушек, которые точно вывели меня из гипноза. Помогли мне глянуть на мир широко раскрытыми глазами; полюбить себя.

А иначе – я бы так и тянул тупым волом с облепленной мухами мордой постылую лямку. Зубрил бы физику и химию. Получал бы пинки и подзатыльники от Вора, Пса, папа Гаврилы и рыжего Адольфа. Выпустился бы из «шараги» с синим дипломом, с синим же лицом и с дергающимся глазом. Родители ворчали бы еще: «А почему диплом не красный?..».

Устроился бы работать в какой-нибудь занюханый автосервис. Если бы повезло – женился на доброй барышне. Белобрысой и курносой – совсем не в моем вкусе – но какая



есть. Так бы и прозябал в обывательском быту – обрстая жирком и потихоньку теряя волосы.

Но где же Тия и Бхайми – благодаря которым я свернул с ведущей в тупик проторенной дорожки?.. Мне так их не хватало!..

Вспоминая наши утехы – я испытывал наполовину сладкое, наполовину мучительное томление. Казалось: кровь булькала в моих венах, как колдовской эликсир в сосуде над медленным огнем. Хотелось кричать – будто мартовскому коту. Заняться сексом с красивой девушкой – это как попробовать наркотик. Тебя потянет за новой дозой. Так что сказать про меня – вкусившего плотских удовольствий не с одной, а с двумя красавицами?..

Я думал о Бхайми и Тие днем и ночью. Когда меня никто не видел – доставал цветастые листовки. До резей в глазах разглядывал портреты красавиц. И даже подносил к губам – шепча:

– Где вы?.. Где вы, мои любимые?..

В сердце моем теплилась надежда: если мои гурии один раз – подобно яркой хвостатой комете –

внезапно появились в моей жизни – значит появятся и во второй раз. И уж тогда-то я не оплошаю!.. Я первым делом стрельну у красавиц номера телефончиков.

Я приглашу девушек в кафешку. Пицца?.. Роллы?.. Бургеры?.. Выбирайте что хотите, красавицы!.. Моей зарплаты на все хватит!.. А из кафе мы направимся в отель – чтобы

за запертой дверью, на кровати, на белоснежной простыне попробовать все позы Камасутры.

Вера в то, что я снова увижу своих кудесниц – поддерживала меня. Она была моим топливом –

благодаря которому я удерживался наплаву. Справлялся с работой. Однажды – когда я приеду с пачкой документов в энную по счету контору – я увижу: на ресепшене – в белой блузке и черной юбочке – Тия. Или на улице, у светофора встречу Бхайми – которая нежно мне улыбнется...

...То, что я болт положил на колледж – не могло долго оставаться тайной для моих родителей.

Однажды вечером – когда, у себя в комнате, я сочинял стихи по мотивам Рамаяны – ко мне без стука зашла мама.

Грозно сдвинула брови. Отчеканила:

– Нам с папой нужно с тобой поговорить. Ждем тебя на кухне.

Повернулась, как солдатик – и вышла.

Сердце у меня екнуло: предстоит неприятный разговор – от которого не уклониться. Но я встряхнулся: нечего дрожать ослиным хвостом!.. В конце концов – я взрослый мальчик. Способный отвечать за свои поступки. Работающий.

На кухне сидел взъерошенный, в майке и трусах, папа – и сквозь стекла очков глядел в кружку чая. Мама – как барс перед прыжком – застыла у окна.

Просверлив меня острым взглядом – мама начала:

– Вчера нам позвонил Модест Константинович...

Дальше мама могла бы ничего не говорить. Модест Константинович – это его сиятельство Полковник. Конечно – директор колледжа потерял из виду одного студюозуса, т.е. меня. И позвонил моим родителям – узнать: где отбившийся от стада барашек?..

– Ты, разумеется, в курсе, что беспокоит Модеста Константиновича, – с холодным ехидством продолжала мама, как бы всаживая мне в мозг ледяные иглы. – И мы с папой тоже очень-очень обеспокоены...

– Да, – надувшись индюком, вставил папа.

– Так может ты соблаговолишь объяснить, – точно плюясь кислотой, спросила мама, – почему ты не ходишь в колледж и чем занимаешься вместо учебы?..

На сколько-то секунд повисла тишина.

Родители смотрели на меня. Неподвижные глаза мамы – будто буравили мне череп. Папа часто моргал.

Я вдохнул и выдохнул.

Родители всегда внушали мне трепет. Чуть ли не с пеленок я боялся не заслужить их одобрения. Быть наказанным: оставленным без сладкого или поставленным в угол. Мне вменялось в обязанность не шуметь, не плакать, не писать мимо горшка – а впоследствии учиться на «хорошо» и «отлично» и ни на что не жаловаться. Твоя главная задача – чтить отца и мать (ну прямо по Библии) и не создавать проблем.

Так было. Но с тех пор, как я занялся любовью с Бхайми

и Тией и устроился курьером – я точно переродился. Цыпленок сменил пух на перья.

Чуть прерывающимся голосом – но вполне решительно – я сказал:

– Мама. Папа. Ноги моей больше не будет в колледже. Достаточно одноклассники меня травили. Да и сварщиком я быть не хочу. Чтобы вы знали: я работаю. Курьером. И вполне этим доволен.

Папа поправил очки – и заморгал еще чаще.

А мама сдавленно – как в петле – прохрипела:

– Ч-ч-что-о?..

Глаза мамы выкатились из орбит.

– Ч-ч-что-о?.. Да ты, щенок!.. Крысеныш!.. Ты семнадцать лет ешь наш хлеб!..

– Да, – сказал я негромко, но твердо – сам удивляясь тому, как я спокоен. – Ты вскормила меня собственным молоком. До сего дня я сидел на вашей с папой шее. Ел не только хлеб – но и масло. Но... как ни благодарен я вам за это – я не ваш раб. У меня своя воля. Я буду жить так, как считаю нужным.

– Ты, наглая морда, ешь наш хлеб и живешь под нашей крышей!.. – стараясь не отстать от мамы, выпалил папа.

У меня дернулась щека. Но я ответил – не потеряв самообладания:

– Верно. Я жил под вашей крышей – как мимоза растет в оранжерее. Спасибо вам. Я больше не стану вас стеснять. Я съезжаю. Сегодня. Сейчас... Иду собирать вещи.

Я повернулся и – не оглядываясь – двинулся в свою комнату.

– Сынок, погоди!.. – совсем другим голосом позвала мама. Но я не сбавил шагу.

Пожитки я сворачивал недолго. Покидал в большую сумку несколько любимых книг, трусы, носки, свитер, папку с документами, свою тетрадку.

Я переступил порог квартиры раньше, чем оцепеневшие родители успели меня остановить. По всему видать: они не ожидали такой прыти от своего «мальчика» – всегда послушного, как кукла на веревочке. Мама только крикнула, срываясь на визг:

– Это все Рамаяна твоя!.. Махабхарата!.. Я как как в воду глядела: до добра твои книжки не доведут!.. В сказки веришь!.. Как жить в реальном мире – не знаешь!..

...Выйдя из подъезда – я дошел до ближайшего уличного фонаря. Встал – и уткнулся в смартфон. Я уже знал, что делать.

Я позвонил в агентство недвижимости.

– Алло. Мне бы снять комнату... Да, на длительный срок.

Я трезво оценивал свои финансовые возможности. Аренду квартиры мне не потянуть. А вот комната – пожалуйста. Половины моей курьерской зарплаты должно хватить.

– Так-так-так, – произнес в трубке голос риэлтора. – Если вам срочно, молодой человек... есть комната в комфортабельной трешке. Дом пятьдесят два по улице Селекторная.

Комната с окнами во двор... Соседние комнаты занимают тоже съемщики...

– Меня все устраивает, – легко согласился я. – Я хотел бы въехать в комнату сегодня... Хоть сейчас...

– Прекрасно, молодой человек... Через час встречаемся на Селекторной, дом пятьдесят два, у первого подъезда... Деньги при вас?..

Такси домчало меня быстро, как злой дух.

В ожидании риэлтора я ходил туда-сюда – как маятник – по мокрому темному двору. Глядел на потушенные окна, пытаюсь угадать: за которым – комната, в которую я вселюсь.

– Здравствуйте, молодой человек, – из подкатившего белого авто вылез риэлтор, которого я узнал по голосу.

В шляпе, плаще и неуместных в пасмурный мартовский вечер солнцезащитных очках – агент по недвижимости напоминал не то крутого Джеймса Бонда, не то осовремененную версию Зорро.

Ключом-«таблеткой» – видимо, полученным от квартирохозяина – «Зорро» открыл подъезд. Поднявшись лифтом на четвертый этаж – мы вступили в квартиру.

Я закашлялся – настолько пыльно было в прихожей, которую освещала единственная тусклая лампочка. Штабелями громоздился разнообразный хлам: от свернутых облезлых ковров и каких-то досок – до старых коньков и торчащих хоккейных клюшек. Да уж – не во дворец багдадского халифа меня занесло.

Перед нами были две двери.

Из-за поворота коридора выплыла дородная дама с колышающимся на ходу животом – в которой я угадал владелицу квадратных метров.

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!.. – медузой растекаясь в чуть ли не подобострастной улыбке, приветствовала меня квартирохозяйка.

Должно быть, не много было охотников арендовать у толстушки «апартаменты» – раз та приседает на задних лапках, боясь упустить такую невзрачную птицу, как я.

– Вот для вас комнатка, – сияя, хозяйка кивнула на левую дверь. И пропела: – Комнату – конечно – вы можете обставить по собственному вкусу.

По-моему, это добавление призвано было сгладить впечатление от бардака в прихожей.

– А в соседней комнате у меня живут две девочки, – по-прежнему лучась, сообщила квартирохозяйка. – Хорошие. Воспитанные. Музыку в три часа ночи не слушают. О, а вот и одна из девочек!..

Правая дверь открылась – и в прихожую вышла... Тия.

Сердце у меня екнуло – и заколотилось, заколотилось, точно желая взорвать грудную клетку. Челюсть отвисла.

Я пожирал Тию глазами.

Этот поток черных волос... Агатовые глаза, затененные опахалами длинных ресниц... Нежная смуглость кожи... Тонкая талия... Облик, который я столько раз – лежа в по-

стели и глядя в темноту – по кусочку воссоздавал в своем воображении, как бы собирая пазл.

Сколько дней я жил мечтой, что мистер случай или добрые боги вновь сведут меня с моими двумя лунами – появившимися из ниоткуда и столь же неожиданно-негаданно канувшими за горизонт!.. Какие горько-сладкие сны о Тие и Бхайми видел я по ночам!.. Оказалось: достаточно порвать с задавившими тебя гиперопекой родителями и покинуть «родное гнездышко» ради поиска съемного жилища – чтобы мечта осуществилась.

Я буду жить в одной квартире с моими красавицами!.. Через стенку от них!.. Наша любовная связь – конечно – возобновится.

– Ох, а что ты весь покраснел, милочек?.. – спросила толстая хозяйка.

– Я... – замямлил было я.

– Посмотрим комнату?.. – ожил риэлтор.

– Не стоит, – собрал я мысли в кучу. У меня дернулся кадык. – Давайте сразу подпишем договор аренды.

– Пройдемте тогда на кухню, – расцвела квартирохозяйка.

На тесной кухне – за застеленным клеенкой столом – мы подписали договор аренды. Опустошив кошелек – я заплатил агенту и хозяйке. После чего толстушка и «Зорро» в солнцезащитных очках отчалили.

С полминуты я сидел один на кухне – тараща глаза на календарь с белым лебедем. Сердце мое бешено стучало –



разгоняя кровь по венам. В мозгу моем прокручивалось: «Тия... Бхайми... Бхайми... Тия...».

Наконец – мобилизовав свою смелость – я встал и, в несколько шагов пройдя коридор, постучался в правую дверь.

– Заходи, дорогой, – раздался нежный голосок Тии.

Во мне бушевала буря. Не заставив себя дважды просить – я ступил в комнату. Тия – протягивая руки – порхнула мне навстречу.

– Привет... Ты помнишь меня?.. – прижав к груди руки Тии, горячим шепотом задал я не самый умный вопрос. – А где Бхайми?..

– Конечно, я помню тебя милый... – так же шепотом отозвалась Тия. – Бхайми скоро придет...

Только сейчас я окинул взглядом комнату. Кружевные занавески на окнах. Фарфоровые кошечка и сова на полке. Ваза с синим цветком. Белоснежные постельки на лежащих прямо на полу матрасах. Комната была убрана просто и со вкусом. Даже обшарпанные зеленые обои в белый горошек и трещина в паркете не портили картины.

– Тия... Тия... – твердил я, не отпуская рук красавицы. – Я так скучал... по тебе и Бхайми...

– Я знаю. Знаю, милый, – сказала Тия, доверчиво склонив голову ко мне на грудь.

Под черепной костью у меня теснились сотни вопросов. Зачем Тия и Бхайми раздавали у метро свои портреты?..

Почему напросились в гости к такому не блестящему достоинством забитому парню, как я?.. Отдались мне?.. Куда потом так внезапно исчезли?..

Но сейчас – когда я держал в руках нежные руки Тии – мне ни секунды не хотелось тратить на расспросы. В груди моей полыхал костер. Я притянул Тию к себе и заглянул в глаза девушки – в которых, казалось, колыхался целый океан. Океан, в котором мне хотелось утонуть.

Весь наряд Тии состоял из легкого узорного халатика. Одной рукой обвив талию Тии – другой я распахнул на красавице халатик. Увидел чуть вздымающуюся и опускающуюся девичью грудь. Волна возбуждения прошибла меня, как электрический разряд.

Я осыпал поцелуями груди Тии – коснулся языком затвердевших сосков. А затем мои губы слились с губами красавицы. Кровь быстрее побежала по моим венам. С удивительной для меня самого властью – я сорвал с Тии узорный халатик. Красавица осталась в одних только розовых трусиках.

Мне казалось: Тия так и тает в моих знойных объятиях – будто сливочное масло.

Я уложил ее на белоснежную постель. Ловким движением стянул с красавицы трусики. А затем и сам – как от лишнего груза – освободился от одежды.

Обнаженная Тия была прекрасна.

Весь покрывшийся от волнения гусиной кожей – я обшарил руками и губами каждый квадратный миллиметр тела

девушки. Красавица легла на бок. Я пристроился – на боку же – сзади и, пальцами играя с сосками Тии, глубоко проник в девушку. Тия только охнула. Она страстно, горячо застонала – когда я задвигался внутри нее.

Я наращивал темп. Руками я обхватил Тию. Крепко прижал к себе. Зарылся лицом в ее душистые черные волосы. А она только восклицала тонким – чуть жалобным – голоском: – Да, да!.. Продолжай!.. Я кончаю, кончаю!..

Стоны Тии только раззадоривали меня. Подкидывали хворост в мой внутренний огонь. Я долбил, таранил Тию в каком-то самозабвении.

За десять минут я достиг желанной разрядки. Томно вздохнув – я откинулся на спину. Тия – повернувшись ко мне – пристроила свою хорошую головку у меня на груди. Я запустил пальцы в густые локоны красавицы.

Не знаю – долго ли мы так лежали. Я снова почувствовал эрекцию и жар в крови. В это время дверь отворилась – и в комнату птичкой в ярких перьях впорхнула Бхайми.

– Привет, Тия!.. Привет, богатырь!..

Мое присутствие – как ни странно – несколько не удивило Бхайми.

– Бьюсь об заклад, дружок: ты успел доставить Тие удовольствие, – лукаво улыбаясь, сказала Бхайми. – Надеюсь: у тебя хватит сил и на меня.

Бхайми присела у меня в ногах и сняла свое красное платье – оставшись в трусиках и лифчике.

– Вы пока развлекитесь, а я вскипячу чаю и нарежу бутербродов, – без намека на ревность мелодично произнесла Тия.

Поднялась, накинула свой халатик и вышла из комнаты.

– Ну, дорогой?.. – спросила Бхайми. – Развлечемся, как Тия говорит?..

Бхайми обожгла меня взглядом полных огня рысых глаз.

Я почувствовал, что голова у меня идет кругом – и что лицо заливают краской. Еще часа полтора назад я был обыкновенный паренек, повздоровивший с «предками». Курьер в поисках съемного жилья... И вдруг в мою жизнь ворвалась сказка.

Девушки – две прекрасных луны – точно поджидали меня все эти долгие дни. Для красавиц будто не было ничего более естественного, чем пустить меня в свою постель. Они любят меня – как два дружных пушистых котенка любят кормящего и поящего этих котят мальчика. Преданно. Беззаветно. Без разъедающей ревности. Точно гурии в раю – Тия и Бхайми стремятся сделать мне хорошо, ничего не требуя взамен.

С чего мне выпало такое счастье?.. Я не в состоянии был сейчас рассуждать об этом. Я наслаждался моментом.

Сидя на постели – я и Бхайми осыпали друг друга бесчисленным количеством поцелуев. Я расстегнул на Бхайми лифчик. Бхайми грациозно изогнулась – как кошка. Лифчик упал – обнажив похожую на два плодика девичью грудь.

– Бхайми... – прошептал я, сглотнув слюну.

Я поцеловал родинку у правого соска Бхайми. Бхайми за-

смеялась – и, коснувшись моего эрегированного пениса, сказала:

– Сейчас, милый.

Она проворно стянула трусики – и встала на четвереньки. Тут уж мне не пришлось раздумывать, что делать. Стоя на коленях – я проник твердым, как камень, членом, в Бхайми.

– Да!.. – воскликнула Бхайми, выгибая спину и встряхивая спутанными волосами.

Кровь застучала у меня в висках. Мне хотелось реветь от страсти. Я положил руки на упругие ягодицы Бхайми. И яростно, бешено таранил ее.

Бхайми громко и протяжно стонала.

Я наращивал свой напор – как в каком-то самозабвении. Пока не почувствовал неотвратимость финала. Три-четыре особо сильных толчка – и я достиг разрядки. Не постесняюсь сказать: я фонтанировал спермой.

Удовлетворенный – как объевшийся лосося медведь – я отвалился от Бхайми и распластался на помявшейся постели. Бхайми надела длинную футболку, поправила волосы и одарила меня лучезарной улыбкой:

– Ты был великолепен, милый.

– Я иду-у!.. – на пороге комнаты появилась Тия с подносом.

На подносе стояли три стакана ароматного лимонного чаю; тарелка с бутербродами: с красной рыбой и с сыром; другая тарелка – с кругляшками печенья.

Тя поставила поднос прямо на пол.

Мы уселись на постели. Слева – Тя, посередке – я, а справа – Бхайми. Мы шутили и смеялись за своим поздним ужином. А у меня в голове вертелись мысли, что все – действительно – происходит, как в сказке.

Как ни слабо я разбирался в отношениях полов – а у меня в мозгу была отпечатана четкая картинка. Сначала парень и девушка долго присматриваются друг к другу – как сходящиеся бойцы на ринге. От нескольких недель до нескольких месяцев длится цветочно-конфетный период. Посиделки в кафе, походы в кино и на танцплощадки... На девушку, которая сдается быстрее – наклеивается ярлык «доступной», чуть ли не «шлюхи». Такую ищут только для секса на один-два раза.

А знающая себе цену сеньорита долго мурыжит парня, прежде чем прыгнуть в постель. А потом сосет из него соки: хочу элитный французский парфюм – хочу авто – хочу отдохнуть на Бали. И представитель сильной половины человечества принимает правила игры.

У меня же все случилось не так. Даже не одна – а две прекрасных девушки одарили меня своей любовью за «просто так». Это напоминало старинные китайские предания о молодом бедняке-ученом, которого околдовали лисы, принявшие облик бесподобных красавиц.

Мне бы расспросить девушек: что вы да как?.. Я ведь даже фамилии их не знал. Все, что мне было известно: Тя и

Бхайми промышляют раздачей листовок у метро. Да и тут оставались иксы и белые пятна.

Что за толк раздавать собственные портреты?.. И как промутер может заработать на красную рыбу?.. Ответов у меня не было. Как и не выпадало удобного момента задать крутящиеся на языке вопросы Тие и Бхайми.

– Давайте играть в города!.. – весело предложила Тия.

– Играем, – поддержала сияющая Бхайми. – Астрахань.

– Николаев, – выдала Тия.

– Волоколамск, – сказал я. И тут же поник ромашкой – прибитый, как градиной, тяжелой мыслью.

– Что с тобой, милый?.. – положив ладошку мне в область сердца, с нежностью спросила Тия.

Тогда я высказал то, что камнем придавливало мне душу:

– Я боюсь... что я проснусь, а вас не будет... Вы исчезнете... как в прошлый раз...

– Не переживай, золотой!.. – Тия чмокнула меня в щечку.

– Мы надолго с тобой, – сказала Бхайми.

(Я отметил: она не сказала: «навсегда»).

– А сейчас мы сделаем кое-что, чтобы ты не грустил, – улыбнулась Тия и заговорщицки подмигнула подружке.

Затем Тия подобрала под себя ноги – и похлопала ладонью по колену, как бы приглашая меня приткнуться. Я лег на спину. И пристроил голову на коленях у Тии. Смуглая красавица начала поглаживать мои волосы.

Бхайми оказалась в моих ногах. Послав мне жаркий

взгляд рысьих глаз – «монголочка» склонилась и обхватила пухлыми алыми губками головку моего разом затвердевшего члена.

Я застонал – ощущая непередаваемую, неопишущую сладость. Бхайми делала мне минет, активно работая язычком – а Тия продолжала гладить мне волосы.

Не прошло и пяти минут – как я бурно кончил, чуть не закричав от удовольствия. Бхайми сглотнула и облизала губы.

– Ложись-ка теперь на живот, – сказала Тия.

Я охотно повиновался.

Тия села сбоку от меня – и принялась массировать мне спину, искусно разминая мускулы. Я весь размяк. Приятное чувство расслабления наполнило все тело. Казалось: под волшебными пальцами Тии моя плоть стала податливой, как незатвердевшая глина.

– Ну, как ты себя чувствуешь?.. – лукаво поинтересовалась Бхайми, одаривая меня горячим взглядом.

– Хо-ро-шо... Спасибо, девочки... – только и выдохнул я.

Теперь можно и поспать?.. Да?.. – спросила Тия.

– Пожалуй... – еще не отошедший от секса и массажа, согласился я.

Мы сдвинули постели, потушили свет и улеглись. По центру – я. А по сторонам – по голой девушке: Тия и Бхайми. Я обнимал Тию левой, а Бхайми – правой рукой.

Спалось мне на удивление сладко. Будто сам Морфей раскинул надо мной защитный полог – за который не могли про-



сочиться ни шорохи, ни крики мартовских котов с улицы, ни дурные сны.

## **5. Не бывает сказки без злодея**

Дальнейшие события развивались вполне в духе сказки про счастливого Ала ад-Дина.

Я полагал: мы так и будем жить в пропыленной трещке дородной хозяйки. Я продолжу бегать курьером – а по вечерам буду возвращаться к Тие и Бхайми, к которым относился, как к своим женам. Но у красавиц были свои планы. Уже на третий или четвертый день нашего совместного проживания – Бхайми и Тия, ластясь ко мне, как маленькие пушистые котята с горящими бусинками-глазами, сказали:

– Дорогой. Как-то нам не очень уютно в этой квартирке. В прихожей, в коридоре – горы хлама, который хозяйка не соглашается выкинуть. Из ковров – за сорок последних лет до нас ни разу не выколачивали пыль. Да и зачем нам две комнаты?.. Мы уместимся и в одной – только попросторнее... В общем, дружок, давай-ка переедем в комфортабельную студию где-нибудь в живописном пригороде...

Я только пожал плечами. Малость неряшливый парень – я вольготен, как удавчик в песке, чувствовал себя и в заполненной раритетным барахлом квартире толстухи-хозяйки. Но слово моих сладких девочек было для меня законом. И скоро – прихватив свой необременительный багаж – мы

переселились. Действительно – в красивый пригород. Где утки крякали на маленьком озерце. И белка прыгала с дерева на дерево. Наша студия располагалась на четвертом этаже красно-белого дома.

Переезд совпал с разгаром весны.

Все чаще в разрывах между похожими на молочную пену облаками показывалось горячее медовое солнце. Снег таял. По лужам прыгали – чирикающая – воробьи. Лениво бродили наевшие бока вальяжные кошки – которых подкармливали местные старушки «божьи одуванчики». Ласковый ветерок поднимал на зеленоватом озере легкую рябь. Я с наслаждением вдыхал волшебный воздух – и чувствовал себя необычайно юным и свежим, как купавшаяся в молоке белых кобылиц монгольская царевна.

Мне было всего семнадцать. Я забыл своих мучителей из колледжа, как страшный сон. Со мной делили постель две девушки – прекрасные, как ангелы. Чего я мог еще желать?.. Но оказалось: сюрпризы не закончились.

Мы не прожили в студии и недели – когда красавицы обратились ко мне с неожиданными словами:

– Знаешь, милый. Тебе не обязательно курьером стаптывать себе ботинки. Носиться, как голодному волку. Деньгами и едой мы сами нас троих обеспечим.

– Но... – растерялся я.

– Все хорошо, – обворожительно улыбнулась Бхайми. – Ты можешь на нас положиться.

– Добытчицами будем мы с Бхайми, – целуя меня, сказала Тия. – А ты не утруждайся, котик. Спи вволю. Отдыхай. Пиши в тетрадке свои увлекательные истории. А по вечерам зачитывай их нам.

С тех пор в нашей «ячейке общества» установился вот какой порядок.

Мы просыпались – втроем на широкой кровати – в девять утра. Я занимался сексом сначала с одной, а затем с другой девушкой – потому что после здорового сна у меня была «стальная» эрекция. Я чувствовал себя эдаким бычком-осеменителем.

Далее – шутки, смех. Красавицы принимали душ и причесывались. Затем – никуда не торопясь – готовили кофе. Бутерброды. Жарили яичницу с луком и помидорами. За обильным завтраком не прекращалось веселье. Девушки точно владели бездонной бочкой с загадками, шарадами и забавными историями. Хоть бери блокнот да записывай.

Бхайми рассказывала старинную притчу:

– Одного китайского художника спросили: «Что изображать на картинах труднее всего?.. А что – легче всего?..» Мудрый художник ответил: «Труднее всего рисовать лошадей и собак. Потому что эти животинки всегда у всех на виду – и любую твою ошибку непременно заметят. А проще всего – рисовать демонов. Ведь тех все равно никто не видел».

После завтрака – помыв посуду – девушки отправлялись, как сами говорили, на работу. Я провожал красавиц до двери

– и нежно целовал.

– Не скучай, милый!.. – махали мне ручками Тия и Бхайми.

После ухода красавиц я возвращался в постель. Поспав пару часиков – наливал себе молочный кофе, который заедал соленым печеньем. Уставив глаза в стенку – наслаждался блаженным «ничего-не-деланием».

Потом брался за свою тетрадь. Мною двигало настоящее вдохновение. За недолгий срок, прожитый с девушками в студии – я изложил прозой несколько сказаний из Махабхараты и Шахнаме. И белым стихом написал поэму по мотивам древнеегипетской сказки о царевиче, которому боги предрекли смерть от зубов крокодила или пса, либо от укуса змеи.

Хрустя чипсами – я смотрел фильмы. Какие-нибудь легкие романтические комедии. Зачитывался своими любимыми книжками. А иногда мне хотелось – как ребенку – прыгать на кровати и залиvisto смеяться.

Я сам не верил своему счастью. Я не работаю и не хожу в треклятый колледж. До чего же приятно – о, боги!.. – когда никто не теребит тебе нервы, как гитарную струну. Две восхитительные – как небесные феи – красавицы «за не за что» награждают меня любовью... О, я хотел бы, чтобы это длилось вечно!..

Девушки возвращались с работы подозрительно рано – шести вечера еще не было.

– До-о-орогой!.. Вот и мы!..

Тя и Бхайми сияли. Они – по всему видать – не особо выматывались на свой загадочной работе.

В руках девушки держали по пакету. Выкладывали из пакетов гостинцы: курочку гриль – салат «мимоза» или «клубовый» в прозрачном пластиковом контейнере – нарезку копченой колбаски – виноград и мандарины – бутылку ананасового соку...

Ужин превращался в праздник – во время которого не смолкал мелодичный смех моих красавиц.

После обильного вкусного ужина мы стучали шахматными фигурами и пешками по черно-белой клетчатой доске, собирали паззлы; кидали кубик и перемещали фишки в настольных «ходилках». И все это с шутками, под оживленный разговор.

Иногда мы предпочитали более активные игры. Тя и Бхайми легконогими козочками скакали по студии. А я ловил девушек – и целовал, целовал.

От «настолок» и догонялок мы переходили к взрослым утехам.

Красавицы раздевались до нижнего белья и чулок – и принимались обмениваться ласками. От такого зрелища меня захватывало сладостное томление.

Пылая от возбуждения – я сгрэбал в охапку ту девушку, которая оказывалась ближе. Лифчик и трусики летели в стороны. Ревя голодным зверем – я совокуплялся с красавицей.

И отваливался от нее только выплеснув сперму.

Вторая девушка тоже не оставалась долго «не при делах». Когда мой фаллос снова напрягался и каменел – становясь похожим на сталактит – я брался уже за нее. Так что она только стонала под моим похожим на девятый вал напором.

Тия и Бхайми совсем не ревновали меня друг к другу. А я старался уделять красавицам равные доли внимания. Если я взасос целовал Тию – значит потом сплетался языками с Бхайми. Если я кончал в Бхайми – значит следующим заходом ронял семя в Тию.

Коронным номером для нас было «двойное проникновение».

Тия и Бхайми ложились одна на другую в «миссионерской позе». Мне открывался вид на два очаровательных «бутона» – расположенных друг над другом. Я входил в Тию – делал пару толчков. Затем вынимал член – и погружал его уже в Бхайми. Чтобы после двух-трех ударов вернуться к Тие.

Еще у нас был вот какой трюк.

Я и одна из девушек садились на кровать. Страстно целовались. А вторая девушка – стоя передо мной коленями на полу – с не меньшей страстью делала мне минет.

Красавицы выкладывались в постели по полной. Их упругие тела дарили мне сказочное наслаждение. Протяжные стоны девушек звучали для меня волшебной музыкой.

При всем при том – я по-прежнему мало что знал о своих красавицах. Наше время заполняли вкусная еда, веселые иг-

ры и головокружительный секс. Как-то было не до расспросов с целью выяснения «подноготной».

Где родители Тии и Бхайми?.. Для чего девушки раздавали свои портреты у метро?.. Чем красавицам приглянулся я – такой (чего уж там!..) невзрачный рохля?.. Или в гадком утенке они разглядели лебедя?.. Что у Бхайми с Тией за работа – если зарплаты у них хватает, чтобы каждый вечер насыщать деликатесами три желудка?..

Все это оставалось для меня неизвестным.

Впрочем – сказать правду – я не то что б тяготился своей неосведомленностью. Расслабившись – как в горячей ванне с пеной и морской солью – я получал удовольствие от каждой секунды общения с девушками.

Все действительно походило на сказку. Я был точь-в-точь везунок, на которого обратили внимание волшебницы-пери. Но в каждой сказке действуют не только добрые силы – но и злые. Даже счастливчику Ала ад-Дину пришлось защищать свой дворец и царевну Будур от коварного магрибинского колдуна... Вступил и я в свою битву.

Это случилось в мае.

Пригород купался в жарких солнечных лучах. Среди сочной зеленой травы белели и желтели одуванчики. На сто ладов голосили пернатые. Под скамейками дремали ленивые откормленные уличные коты.

Ясным утром я проводил Тию и Бхайми. Закрыв за красавицами дверь – думал хлебнуть еще кофе. Потом часок-дру-

гой повалиться с книжкой в постели. А там – поиграть на компьютере в шахматы, чтобы вечером Тие или Бхайми не так легко было влепить мне шах и мат.

Но – едва я прошел к кухонному столу – меня пронзило острое чувство. Будто я должен – ни мгновения не медля – куда-то ехать. Иначе пол проломится и вспыхнет синим пламенем у меня под ногами. Я был точно крыса, до которой долетели звуки волшебной дудочки.

Бр-р-р!.. Я наморщил лоб и встряхнулся – прогоняя наваждение.

Но мучительное чувство стало еще неодолимее. Во мне не осталось ни грамма блаженной лени. Я не мог усидеть на месте. Что-то выталкивало меня из квартиры – как голод гонит с лежища тигра или леопарда.

И я перестал сопротивляться.

Может быть, я доеду до центра города – и там меня «отпустит»?.. Тогда я вернусь в студию – и буду спокойно ждать Тию и Бхайми. А когда я займусь с ними сексом – я и не вспомню, что днем меня, как на пружине, подбросило непонятное чувство.

Я оделся, обулся – и скоростными шагами покинул квартиру. Я был весь настороже – как рысь на охоте. И кидал зоркие взгляды по сторонам.

Быстро дойдя до остановки – я прыгнул в как раз подошедший автобус. Казалось: огонь струится по моим венам. Я плотно сжимал губы. Через двадцать пять минут – выса-



дившись из автобуса – я спустился в метро. И вот я мчусь в вагоне электропоезда по темному тоннелю.

Мои зрение, слух и даже обоняние невероятно усилились.

Я с подозрением вглядывался в лица попутчиков – как бы ища врага. Слушал грохот состава – улавливая стук каждого колеса. Втягивал обеими ноздрями воздух – раскладывая облако запахов на вонь вспотевших под одеждой тел и ароматы мужского и женского парфюма.

Проехав восемь станций – я вышел на платформу. Меня вело мое острое чувство – схватившее меня, как клешней. В потоке людей – текущем вверх по лестнице – я поднялся в город.

Ноги сами понесли меня по лабиринту улиц к неизвестной цели. Я только отмечал подъезды жилых домов да вывески: «Прачечная» – «Пиво – чипсы – сигареты» – «Бургеры 24 часа» – «Кальян».

Так я достиг скверика с двумя кривыми кленами и скамейкой – кое-как вписавшегося в квартал циклопических многоэтажек – и здесь остановился, как вкопанный.

Я достиг конечной точки своего извилистого пути. Осталось только ждать. Но чего ждать?.. Я застыл соляной глыбой. А нервы были натянуты до предела.

Показалась хромая тетушка – опирающаяся на палку. Через плечо на тетушке висела элегантная черная сумочка.

Я сглотнул. Руки мои тряслись.

Раздалось:

– Скольких я зарезал... Скольких перерезал...

На дороге хромой тетушки нарисовался – как выскочив из трещины в асфальте – плечистый бугай ростом с каланчу. Амбал перегородил женщине проход. Схватился за ремешок сумочки и выдал развязно:

– Ну что, тетка?.. Баблосы гони.

О, я узнал «быка»-вымогателя!..

Квадратная голова. Ручища – как столбы. Чуть гнусавый голос... Это был Вор!.. Один из главных моих мучителей в колледже. Даже татуировку в виде скорпиона я зацепил глазом.

Я не видел Вора много недель – с тех пор, как уродец отпинал меня в столовой колледжа. И вот мерзавец снова явился – как чудище из моих кошмарных снов.

Поразительно: я совсем не почувствовал страха.

Нет. Меня с головой накрыл волной жгучий гнев. Я сжал кулаки – в которых вдруг ощутил богатырскую силу.

– Эй!.. – грозно окликнул я Вора, направляясь к нему твердыми шагами.

Не выпуская ремешок сумочки – Вор обернулся на меня:

– Ты?!..

Глаза Вора – большие, как плошки – едва не вылезли из орбит.

Раньше, чем Вор что-либо сделал – я подошел к нему и от души заехал ему по морде. Я изумился силе своего удара. Вор охнул, качнулся, взмахнул руками – и подрубленным

дубом рухнул наземь.

– Ступайте, тетенька, – с удивляющей меня самого уверенностью сказал я бедной женщине, которая охала и крестилась. – Этот негодяй вам больше ничего не сделает.

– Спасибо, спасибо, соколик... – пробормотала ошеломленная дама и медленно двинулась прочь.

Вот я красавица!.. Предотвратил ограбление.

Вор приподнял голову. Выплюнул кровь и пару зубов.

Я ткнул ему носком ботинка в щеку:

– Ну что, скотина?.. Зарекаешься деньги с людей трясти?..

– З-з-за-рекаюсь... – всхлипнул Вор, тыльной стороной ладони размазывая по лицу кровь, грязь и слезы.

– Встать!.. – приказал я.

Вор нерешительно поднялся. Он горбился, как шимпанзе – и трусливо втягивал голову в плечи. Болтающиеся, точно плети, руки Вора – свешивались чуть ли не до земли.

– В глаза!.. Посмотри мне в глаза!.. – велел я.

Сгорбленный Вор посмотрел мне в лицо снизу вверх. Трус часто моргал. У него дергалась щека.

– Слушай внимательно и заруби себе на носу, – жестко сказал я. – Ты больше не будешь сшибать с людей деньги. Ни в колледже, ни в подворотне. Отныне ты будешь тише воды и ниже травы. А если тебе не хватает червонцев – устройся человеком-бутербродом рекламировать пиццу. Понял?..

– П-понял... – хлюпнул носом Вор.

– А если, – чеканя слова, продолжил я, – ты еще хоть ко-

го-то тронешь своим жирным пальцем – я непременно об этом узнаю. И сниму с тебя шкуру – как с ягненка на мясокомбинате.

– Й-я обещаю... – промямлил Вор, – никого не обижать...

– Конечно обещаешь – чтобы я не размозжил твою тупую башку!.. – бросил я. – А теперь вали – пока я добрый.

Вор – облезлая лисица на полусогнутых лапках – пустился наутек. Я напоследок отвесил мерзавцу коленом под зад.

Вор – охая и сморкаясь – скрылся. А я еще долго стоял посреди сквера – с шумами в голове.

Что это сейчас было?..

Какое-то невероятное чутье привело меня в сквер в южном округе мегаполиса. Ни в какой другой из множества городских скверов. И я защитил пожилую женщину от Вора.

Хулиган – столько раз вымогавший у меня червонцы – всегда внушал мне страх. Но не сегодня. Сегодня – увидев Вора – я почувствовал, что свободен от оков ужаса перед своим давним обидчиком. Наоборот: это Вор перетрусил, как петушок – которому выдрали перья из хвоста.

Я снова ощутил себя героем сказки. Но не Ала ад-Дином – а могучим Рустамом, повергнувшим злобного чудовищного дэва. Меня действительно переполняли богатырские сила и бесстрашие. Подумать только: я уложил амбала Вора одним ударом!..

Я потер ладонью о ладонь. Можно отправляться домой.

Я добрался до студии до возвращения Тии и Бхайми. Успел

выпить пару стаканов лимонного чая – и заесть печенькой.

Девушки явились – как всегда – веселыми и смеющимися.  
– Дорогой, мы дома-а!..

Тя чмокнула меня в левую, а Бхайми – в правую щеку. Красавицы принялись выгружать из сумок на стол «гостицы». Копченую колбасу. Соленую рыбу. По пакету ананасового и виноградного соку. Финики...

В этот вечер мы пировали, шутили и разгадывали шарады еще беззаботнее, чем всегда. Я чувствовал себя настоящим героем – который после победы над чудовищем наслаждается обществом красавиц.

Я подумал: а не рассказать ли Тие и Бхайми о моем сегодняшнем приключении?.. Но мысленно махнул рукой. Зачем девушкам – нежным, как цветы сирени – слушать о каком-то грязном Воре, которому я выбил два зуба?..

Я и красавицы сыграли в шахматы и шашки, собрали паззлы, попередвигали конические фишки в настольной «бродилке». А потом от души занялись любовью на широкой – совсем не скрипучей – кровати.

Скажу без хвастовства: в этот раз я превзошел самого себя. Бхайми и Тия стояли на четвереньках – а я таранил сзади то одну, то вторую красавицу. Девушки только протяжно стонали и просили меня продолжать.

А потом мы в обнимку завалились спать. До самого утра я не видел снов – и проснулся освеженным. Тия и Бхайми уже наливали кофе в фарфоровые чашки...

## 6.Новый Рустам

Я так и не рассказал девушкам о своей расправе над Вором. Меня не покидало стойкое чувство: на избиении Вора мои подвиги не закончились. О, я не Камар аз-Заман из «Тысяча одной ночи» – вкушающий плоды счастья просто так, за красивые глазки. Нет!.. Во мне проснулся борец со злом Рустам. Я ждал, когда мистическое чутье снова приведет меня на улицу или в сквер, где я дам бой очередному врагу добра и справедливости.

Пожаловало лето.

Бирюзовое небо жарко сияло. Деревца оделись в ярко-зеленую листву. Вразвалочку рыскающие черно-белые, серые и трехцветные котяры казались еще более пушистыми, неповоротливыми и упитанными, чем были в мае. На лавках горбились сухонькие старушки в пестрых платках – вязали из шерсти носки, смотрели на поедающих соринки воробьев, обсуждали внуков.

Я, Тия и Бхайми усвоили новую привычку: перед ужином часок гулять. Мы бродили по аллеям, держась за руки: слева – Бхайми, в середине – я, справа – Тия. Бабушки со скамеек удивленно пялили на нас глаза.

То девушки резвились, как газели. Убегали, прятались за деревьями. А я ловил, ловил моих кудесниц.

На озере мы кормили хлебными крошками уток. Тию и

Бхайми забавляло, как водоплавающая братия – поднимая тучи брызг, хлопая крыльями и вытягивая шеи – кидается за добычей.

После прогулки ужин казался особенно вкусным. Притом, что и без того каждая наша трапеза была точно пир богов. Мы за обе щеки уплетали красную рыбу, шашлык под острым соусом, изюм, порезанный дольками ананас...

Поиграв в шахматы и шарады, занявшись безумным сексом – мы погружались в сон. Вернее так: первыми засыпали девушки – а я еще с четверть часа смотрел сквозь темень в белый потолок. Сердце мое стучало: «Будь готов, батыр!.. В нужную минуту тебя позовет звук рога. Ты должен будешь защитить слабого, дать отпор злу...».

И я дождался дня сражения...

Однажды утром я проснулся с мыслью: сегодня мне предстоит дело. Как только провожу Бхайми и Тию – надо будет собираться на бой.

За кофе и за яичницей с колбасой и луком девушки были – как всегда – обольстительны и веселы. Звучал мелодичный смех красавиц. Я улыбался девушкам. Смеялся их шуткам. А сам весь был в напряжении – как растянутая пружина.

Я решил ничего не говорить красавицам о моем странном чутье, выталкивающем меня из дома. Да и что я мог сказать о том, чего сам не понимал?.. Я знал только: я должен ехать. И мне предстоит битва во имя справедливости.

Поцеловав Тию и Бхайми – я закрыл за ними дверь.

Подошел к зеркалу. Поправил прическу.

На меня смотрел двойник – тощий парень с копной соломенно-желтых волос. Но это был не тот жалкий забитый рохля, что немного месяцев назад. У меня по-прежнему выпирали ребра. Но я не был больше жалкий дрищ – а воин, готовый к схватке.

«Пора», – стукнуло сердце.

Я стиснул зубы.

Неторопливо одевшись – я твердыми шагами вышел из дому.

Автобус – метро – маршрутка – шестьсот метров по улице. На этот раз я оказался на крытом базаре.

Продавцы в белых колпаках улыбались покупателям – которые важными павами прохаживались вдоль торговых рядов. На витринах и прилавках громоздились продукты. От апельсинов и мандаринов до здоровенных мороженных рыбин с открытыми ртами. Были здесь даже колбасы из оленьего и медвежьего мяса. Бабушка-продавщица – сияя и нахваливая свой товар – безменом взвешивала пакет с картошкой.

Пройдя весь рынок с севера на юг – я остановился в конце торговых рядов.

– Молодой человек, купите масла!.. Сливочного масла!..

– Конфет, конфет!.. Вашей девушке точно понравится.

Крики торговцев, предлагающих мне что-нибудь купить – летели справа и слева.

Но я стоял неподвижно – как хороший солдат на посту.



И пристально – с соколиной зоркостью – смотрел в сторону северного входа на базар.

– Оле, оле!.. «Гончие псы», вперед!..

С севера на территорию базара втекло скопище десятка в полтора здоровенных молодчиков – в кепках и с обильно дымящимися факелами.

– «Гончие псы»!.. Оле!..

Все ясно: передо мной футбольные фанаты. Вот и козлячья рожа моего одноклассника Пса показалась в их толпе. Как поражение, так и победу «своей» команды «фаны» отмечают хулиганскими выходками. Не иначе – и на базар заявились для того, чтобы учинить разгром.

Мои опасения не замедлили подтвердиться.

Пес пнул ведро, висящее на безмене у продавщицы. Картофелины раскатились по асфальту. Другой амбал опрокинул ящик с апельсинами. И наступил шипастым ботинком на оранжевый плод – так что брызнул сок.

– Что ж вы делаете, ироды?.. – запричитала одна старушка.

– Молчи, карга!.. – рявкнул Пес.

Фанаты двинулись дальше – круша витрины и разгоняя пинками народ.

Сердце мое загремело тяжелым молотоам. Горячая кровь быстрее побежала по венам. Мой ход!.. Я остановлю толпу потерявших страх и совесть хулиганов!..

Я бросился навстречу фанатам.

Столкнувшись с «авангардом» сборища – я ударами ног (ну точь-в-точь ниндзя) расшвырял четырех отморожков. Охающие и кряхтящие – те так и не решились подняться с асфальта.

Оставшиеся отморозки отхлынули – и сбились в тесную кучку.

– Ты-ы-ы?.. – филином выпучил на меня глазища Пес.

– А что?.. Не рад встрече?.. – с колючей насмешкой поинтересовался я.

Я наступил на одного из поверженных – пытающихся незаметно отползти – дебоширов. Затем нарочито медленно двинулся на еще стоящую на ногах дюжину «фанов», возглавляемую Псом.

Народ вокруг – покупатели вперемежку с продавцами – затаил дыхание и наблюдал за почти театральным действием; как героический одиночка – подобный ангелу мщения – угрожает ораве субчиков.

Люди перешептывались:

– Задаст парень этим гоблинам?..

Я чувствовал: симпатии народца – на моей стороне.

Фанаты – впечатленные тем, как я лихо расправился с четверкой из их братии – были откровенно напуганы. Еще бы!.. Противостоять бойцу, дерущемуся, как самурай – это вам не витрины разбивать и не петь «Оле, оле!..».

Сильнее всего изумлен и растерян был Пес. Он знал меня. Он привык возить меня физиономией по полу и сыпать мне

за шиворот мусор. А тут... такое перевоплощение. Вчерашний жалкий пай-мальчик уложил четырех амбальных хулиганов!..

С каждым моим шагом «фаны» теснее прижимались друг к другу – роняя свои дымные факелы. Минута – и подлые трусы побегут, показывая широченные зады.

Тогда – в два тигриных прыжка – я оказался перед Псом. – Получи, гадина!..

Я врезал Псу кулаком в живот.

Пес крякнул и упал на одно колено. Я красиво опустил локоть уродцу на голову. Пес охнул – и повалился мордой в асфальт...

Для сборища фанатов это послужило сигналом к позорному бегству. Перегоняя друг друга – они ломанулись прочь. Пес и те четыре «фана», которых я в самом начале сбил с ног – силились уползти толстыми ранеными змеями.

Народ захопал в ладоши. Меня чествовали, как победителя. Я скупно улыбнулся. Поклонился направо и налево. И мерным шагом двинулся к остановке маршрутного такси.

Через полтора часа я был дома.

Я только выпил чашку чаю – как пожаловали мои девушки. В этот раз они принесли ананас, мандарины, копченые окорочка, крабовый салат.

– Гулять, гулять!.. – защебетали девушки. – Ужин потом.

Перебрасываясь шутками, звонко смеясь – мы, держась за руки, отправились на озеро кормить уток.

После ужина – протекавшего, как всегда, в веселой атмосфере – красавицы разыграли древнеиндийскую драму «Шакунтала». Я был благодарным зрителем. Улыбался и от души аплодировал. Хотя актрис было явно маловато для такой пьесы – и я не всегда улавливал, когда Тия и Бхайми изображали прекрасную Шакунталу и гневливого брахмана, а когда блистательного раджу и мудрого советника.

Вечер закончился потрясающим сексом.

Я чувствовал себя настоящим косматым львом – перед которым Бхайми и Тия стелились, как гибкие покорные львицы.

Сначала я взялся за Бхайми. Лежащая на животе «монголочка» – горячо застонала, когда я глубоко проник в нее; вцепилась пальцами в подушку. Я положил ладони на ягодицы Бхайми. И быстро-быстро задвигался в ней. Каждый мой удар был резче предыдущего. Бхайми стонала и кричала – чем сильнее меня заводила. Наконец, взревев от страсти (действительно – как лев), я совершил особенно сильный толчок – и выплеснул в Бхайми свое семя.

– О да!.. – воскликнула Бхайми, утыкаясь лицом в белоснежную подушку.

Не пролежал я и пяти минут, переводя дыхание – как ко мне начала ластиться Тия. Она терлась об меня, будто нежная кошечка.

Чувствуя, что снова потихоньку возбуждаюсь – я начал отвечать на заигрывания «персиянки». Крепко сжимал ее

– хрупкую, как тростинка – в объятиях. Сосал губы Тии, язык... Когда мой член снова удлинился и окаменел – я положил Тию на спину. Красавица закинула ноги мне за шею. Вскрикнула, когда я ввел член в потаенный бутон.

Я взял бешеный темп. Тии оставалось только провалиться головой в подушку, раскинуть руки – и стонать, стонать...

Мы финишировали одновременно.

Минут пятнадцать мы – все трое – расслабленно лежали на мягкой постели. Затем девушки – подобрав под себя ноги – принялись обмениваться ласками.

Целовались – как клюются голубки. Тия играла с волнистыми локонами Бхайми. А Бхайми запускала пальчики в густые пряди Тии. Постепенно девушки распялись. И ласкались друг друга смелее – сплетаясь молодыми лианами.

Слов нет передать, как это меня завело. Одной рукой я сгрел в охапку Тию, другой – Бхайми. Кончилось тем, что я еще по разу излил в девушек семя.

После этого – утомленные взрослыми утехами – мы заснули.

Закрывая глаза – я подумал о том, что так и не рассказал прелестницам о своих богатырских похождениях. А может быть – и не стоит рассказывать?.. Я герой. Каждую ночь наслаждаюсь любовью обворожительных красавиц. И время от времени совершаю вылазки в город – тяжелой дланью покарать зло. Кажется: я живу не зря.

Пролетело две недели.

Я писал в своей заветной тетрадке. Вечером пировал и веселился с красавицами. Ночью занимался с ними любовью. И все ждал, когда услышу внутренним слухом Зов – побуждающий меня отправиться на новую битву; защитить честных – но слабых – людей от сильных негодяев.

И этот день настал.

Все развивалось по обычному сценарию: после сытного завтрака, проводив девушек – я почувствовал, как сильнее забилось мое сердце. Я должен идти. Я. Должен. Идти.

В этот раз «мистическое» чутье привело меня во двор П-образного многоквартирного дома в северном округе мегаполиса.

Я осмотрелся.

Народу – никого. Ни собачников, выгуливающих своих бульдогов и такс. Ни детей, роющихся в песочнице. Две зловонные черно-серые вороны – оглушительно каркая – кружили над мусорным контейнером, от которого поднимался сладковатый запах гнили.

Только я опустился на скамейку – из арки вышла счастливо воркующая парочка. Девчонка была в платке и длинной юбке, смуглый парнишка – в узорной тубетейке. Очевидно – мусульмане. Им было лет по пятнадцать – не больше.

Поглощенные друг другом подростки так бы и проплыли мимо. Но воздух сотряс грубый окрик:

– А ну стоять!..

Прямо на ребят вырулили два амбала. Два поставленных

на задние ноги перекормленных быка. В черной одежде. С колыхающимися на ходу необъятными животами. На груди у каждого из быков серебрилось распятие на толстой цепи.

– Ну-ка, замерли, нехристи!.. – вцепились в мусульманских парня и девочку громилы в черном.

Одного амбала я узнал. Борода... Лапы, как у медведя... Прыщ на носу... Поп Гаврила!.. Второй «буйвол» был – легко догадаться – соратником Гаврилы по САГ, т. е. по Союзу архангела Гавриила. Военизированной религиозной организации, для которой злейший враг – любой человек, не бьющий господу поклоны по христианско-православному обряду.

Молоденькие мусульмане застыли, как испуганные ягнята – тесно прижавшись друг к другу.

– Сейчас, погань языческая, мы научим вас правильно бога любить!.. – поп Гаврила замахнулся на парнишку в тюбетейке своим пудовым кулаком.

– Не торопись!..

Стрелой подлетев от своей скамейки – я перехватил ручищу Гаврилы.

– Не торопись!.. – твердым голосом повторил я. – Не трожь детей.

Гаврила уставил на меня налитые кровью глазища:

– А ты здесь откуда, сын суки?..

В отличие от Вора или Пса – Гаврила не показал ни рас-терянности, ни страха. А только слепой гнев. Казалось: изо

рта воинствующего раба божьего хлынет густая пена.

– Ты знаешь этого черта, что ли?.. – развязным тоном поинтересовался у Гаврилы напарник – указывая на меня.

– Лошара один из нашего колледжа, – сквозь зубы бросил поп Гаврилы.

– А что ж ты не вмажешь придурку?.. – все так же развязно спросил «буйвол» номер два.

– Вот и вмажу... – прорычал Гаврилы.

Он рванулся – освобождая руку. Я врезал Гавриле ботинком по колену. Чертов бородач пошатнулся – и плюхнулся на пыльный асфальт.

– Ну, прощайся с жизнью, безбожник!.. – поднялся, отряхиваясь, Гаврилы.

С ревом попер на меня, как гризли.

Заправским каратистом – я выкинул вперед ногу и угодил Гавриле в живот. Подскочил к своему грозному противнику. И опустил козлине на голову кулак. Гаврилы снова рухнул. И уже не поднялся. Он сопел и кряхтел – ерзая на заплеванном асфальте.

«Буйвол» номер два – вытаращив глаза – наблюдал за нашей молниеносной схваткой. Сам он оказался – на поверку – трусливой овечкой. И в драку не полез. Он помог Гавриле встать – и прошипел в мою сторону:

– Мы еще встретимся. На твоих же кишках тебя повесим.

Воинствующие богомольцы покинули сцену. Гаврилы еле ковылял – опираясь на своего товарища по разбою. Еще не



остывший после поединка – я смотрел вслед опозоренным барашкам Христовым, пока те не скрылись с глаз.

Тогда я перевел взгляд на мусульманских ребятишек. Те стояли дрожащими оленятами – и по-прежнему жались друг к дружке.

– Ну как вы?.. – хрипло спросил я.

– Спасибо, дядя, – робко отозвался мальчик.

«Дядя» – это было сильно сказано. Я был старше ребят, может быть, на два-три года.

– Куда вам?.. Я провожу, – сказал я.

– Нам до подъезда...

Вместе с юными мусульманами я дошел до подъезда. Напоследок ребята горячо меня поблагодарили и пообещали молиться за меня Аллаху. На что я только хмыкнул: в бога я не верил.

Попрощавшись с ребятишками – я вышел на середину двора. И посмотрел вокруг – как богатырь в чистом поле. Все было спокойно. А если б объявился какой-нибудь вандал или хулиган – я бы мигом утихомирил дуралея.

Я подумал: вот уже в третий раз я – как Рустам или Зорро – даю битву злу. Во мне пробудилась неведомая сила. Троих своих давних обидчиков (Вора, Пса и попа Гаврилу) – перед которыми я трясся, как заячий хвост – я хорошенько прочил; отделал, как паршивых коз.

Но интуиция подсказывала: все это было только разминкой, игрой в игрушки. По-настоящему опасное приключение

– впереди. От меня потребуются не только напряжение мускулов, ловкость барса и железное упорство – но и расход всех моральных сил. Запредельное мужество.

Я должен быть готов.

## **7.Кровь и пламя**

Минула неделя.

Я от души наслаждался вкусной едой, хорошими книгами и обществом Ти и Бхайми. Каждую ночь меня радовали упругие тела моих «жен». Напрягшиеся девичьи груди с затвердевшими сосками.

Но я не забывал: мне предстоит великая битва. Каждый раз после взрослых утех – натягивая одело до подбородка и закрывая глаза – я думал об этом.

Я живу, как принц. Кормлюсь деликатесами. Обнимаю двух прекрасных девушек. Не работаю. Быть может – Вселенная авансом наградила меня, чтобы в решительный час я не сплоховал. Не суждено ли мне спасти сотни или тысячи жизней?.. Нанести злу мощнейший удар?..

Однажды – после сытного завтрака – я проводил Тию и Бхайми. Опрокинув в глотку стакан апельсинового соку – лег в постель досматривать сны.

Спал я недолго. Вместо продолжения сладких эротических снов мне привиделись всякие ужасы. Трава и кусты, залитые кровью. Шумное агрессивное сборище в кожаных

куртках. Деревянное здание – полыхающее, как гигантский факел...

Я очнулся в ледяном поту. С дико колотящимся сердцем. И в голове моей стукнуло: вот он – решительный час. Как вещий Олег на брань с хазарами – я должен был собираться на битву.

В этот раз я действительно потратил время на сборы. Я сунул в карман складной нож – а в рюкзак большой моток проволоки, спички и плоскогубцы.

Если с ножом все было более или менее понятно (все-таки, нож – оружие) – то я даже близко не представлял, как мне пригодится все остальное. Но я полностью доверился своему чутью.

Сердце мое не сбавляло частоту ударов. Руки тряслись. Я ощущал запредельное волнение и даже – немножко – страх. Меня ждет совсем не такая схватка, как до сих пор...

Я встряхнулся.

Надо одеваться и идти.

Я влез в брюки, футболку; накинул легкую куртку. Обулся. Зачем-то дополнил свой костюм темными очками. С рюкзаком за спиной, с ножом в кармане – я покинул квартиру.

«Вернусь ли я?..» – звякнул в голове тревожный вопрос.

Но я только распрямил спину и закусил губу. Идя на битву – надо думать о том, как вырвать победу. А не о том, что ты рискуешь погибнуть.

Выйдя на улицу – я, подняв темные очки на лоб, посмот-

рел в небо. Оно было обложено пузатыми серыми тучами. Налетел ветер – закрутивший пыль и мусор. Упало несколько капель дождя.

Я долго ехал в метро. Держась за поручень в переполненном вагоне – то и дело взглядывал через плечо. Слух и зрение были предельно обострены – как у рыси в лесной чащобе. Отовсюду мог грозить враг. Я сошел с электропоезда на конечной станции – и поднялся в город.

Я сделал от стеклянных дверей метро не больше двухсот шагов. Невидимая нить Ариадны привела меня на автовокзал. Ветер крепчал. Под его напором я чуть не сгибался. Я огляделся.

Платформы со скамейками – под крышами на столбах. Горящее табло: «Автобус 42 Московия – Змеегорск – отправление в 14:28». Газетный киоск. Кассы. Народу – почти никого.

Я подошел к кассе:

– Билет до Александровки, пожалуйста.

– Пожалуйста, молодой человек.

Я бы и под пыткой не смог бы сказать, почему я назвал Александровку – а не какой угодно другой населенный пункт. Просто я озвучил то, что выдал мой мозг. С недавних пор я привык доверять чутью и озарениям.

Спрятав билет за пазуху – я подошел к газетному киоску и зачем-то купил журнал с японскими сканвордами. Оставалось ждать: автобус на Александровку должен прибыть через

полчаса.

– Расея – для русских!.. Московия – москвитянам!.. – раздался громогласный хор.

И на территорию автовокзала втекли пятеро молодчиков, похожие на горилл. Кожаные куртки, тяжелые ботинки и значки с коловратами – все выдавало в «гориллах» отморозков-неонацистов.

Опустив на глаза черные очки, прикрыв нижнюю часть лица раскрытым журналом – я исподтишка наблюдал за бонхедами.

В самом тощем «боне» я узнал рыжего Адольфа. Как же!.. Не могло обойтись без этого субчика из колледжа!.. Теперь мне стало ясно: мне предстоит схватка с пятью нациками.

Немногочисленный народец, маячивший на автовокзале – заметно напрягся. Появление «истинных арийцев» никого не обрадовало.

Я скрипнул зубами. Подумал, слушая стук крови в своих висках: моих «сверхспособностей» хватит, чтобы запинать пятерых нацистов.

Но «боны» пока что никого не трогали – вероятно потому, что поблизости не было ни одного «нерусского». А только ржали – как лошади на выгуле – и перебрасывались репликами:

– Здорового я бутылку разбил о голову того полудохлого азиата!..

– А дворник-чурка?.. Я его размазал по асфальту, как чер-

вяка!..

– Отлично проведем время в Лагере, ребзя!..  
(«Что еще за Лагерь?..» – задался я вопросом).

– Мочи жидов – спасай Расею!..

– Хайль!..

Вид нацистских дикарей, слова, которыми обменивались уроды – вызывали во мне гнев и отвращение. Внутри у меня все кипело. Но я сдерживался – и ждал, как будут развиваться события.

– Автобус номер тридцать три Московия – Александровка прибывает на третью платформу, – объявил голос диктора.

Неонацисты – не сбавляя своего конского ржания – хлопая друг друга по спинам, погрузились в подошедший автобус.

«Так нам по дороге, – плотно сжимая губы отметил я. – Ну что ж... Это ожидаемо...».

Я тоже вошел в автобус. Сев в хвосте салона – я, прикрываясь журналом, через стекла черных очков следил за нациками. Автобус тронулся.

– Расея не Азиопа !.. – скандировали «боны». – Русский порядок на расейской земле!..

Неонацисты чувствовали себя полными хозяевами салона автобуса. Остальные пассажиры втягивали головы в плечи, разглядывали носки своих ботинок – и усиленно делали вид, что не замечают стаю гогочущих горилл.

«Только заденьте кого-нибудь хоть пальцем, – скрежеща

челюстями, думал я, подглядывая за националистическими обезьянами. – Я вам мигом носы расплющу да руки повыворачиваю!...».

Время от времени я посматривал в окно. Хмарь окутывала мир. Как бы преследуя автобус – по небу неслись серые стада туч.

Я уже долго был в пути.

Урбанистический пейзаж с многоквартирными высотками и параллелепипедами супермаркетов – сменился зелеными полями, по которым пробегала под ветром рябь. Иногда на глаза попадались трактора и мирно пасущиеся коровы. За полями стеной вставал лес.

Я посмотрел время на телефоне: дело к вечеру. Бхайми и Тия скоро придут с продуктами домой. То-то девушки удивятся, когда увидят: я куда-то пропал. Написать им сообщение, что ли?..

Представляю. «Дорогие мои, не волнуйтесь. Я хвостом увязался за бандой бонхедов. Еду на междугороднем автобусе в направлении то ли деревни, то ли села – название которого до сего дня не знал. Ждите завтра к утру. Наверное».

Нет. Я свяжусь с Тией и Бхайми – но позже. По-видимому – я должен защитить кого-то от пятерки вонючих бонхедов. Как я защитил пару мусульманских ребятишек от громила из САГ, а торговцев на крытом рынке – от толпы ошалелых футбольных фанатов...

Навстречу автобусу выплыло одиноко стоящее у трассы бревенчатое здание с треугольной крышей. Вывеска: «Душ – столовая». Автобус остановился.

– Стоянка десять минут, – по громкой связи объявил водитель.

Нацки шумной гурьбой вывалились из автобуса. По-прежнему прячась за журналом японских головоломок – я последовал за ними.

– Приехали, братки!.. – объявил рыжий Адольф. – Дальше пешком.

Неонацисты посмотрели в сторону темневшего за широким полем леса.

– Но сначала, давайте, пожрем в этой столовой, – предложил «бон» с холодным взглядом удава.

– Годно!.. – хором согласились отморозки.

Все пятеро «горилл» втекли за дверь деревянной построй-ки. Дверь не успела закрыться – я юркнул за бонхедами.

Я очутился в прямоугольном помещении, обставленном в духе минимализма: столы да стулья. Нацки – развалившись за столом в углу – гоготали и хлопали друг друга по спинам. «Бон», похожий на удава, достал из-за пазухи бутылку водки.

– Выпьем за русский порядок!..

– Сейчас я закусь нам организую!.. – вызвался молодчик с растопыренными ушами.

Сидя за ближайшим к двери столиком – я наблюдал.

На витрине – салаты в контейнерах. От крабового и оли-



вье – до «мимозы» и селедки под шубой. На подложках: пирожки, палочки шашлыка и окорочка гриль. Батарея бутылок с пивом и лимонадом.

За прилавком стояла миловидная восточная девушка: точеная фигурка, нежно-смуглый цвет кожи, бабочка-заколка в густых волнистых – черных, как смоль – волосах. Бедная продавщица смотрела на чертовых нациков, как детеныш антилопы – на греющихся на отмели крокодилов.

Бонхед «Растопыренные уши» подошел – и стукнул кулаком по прилавку:

– Эй, чудо заморское!.. Пять палочек шашлыка и десять пирожков с мясом мне и моим друзьям.

– Одну минуту... – едва пролепетала девушка.

Собрала заказ на поднос – и сказала бонхеду:

– П-пожалуйс-ста... Возьмите...

«Растопыренные уши» треснул по прилавку – так, что стаканчик с одноразовыми пластиковыми вилками чуть не опрокинулся.

– Я не понял, шлюха азиатская!..

(У меня сжались кулаки).

– Шлюха!.. Нерусская!.. Шевели ластами – тащи поднос с хавчиком к нам на стол.

Девушка вся задрожала – как листок на ветру. Но все же возразила бонхеду:

– У нас самообслуживание... По инструкциям – я не должна отходить от кассы...

– Что?!.. – по-волчьи оскалился «Растопыренные уши». – Пулей обслужила белых сахибов, потаскуха!..

– Сеня, ну что ты там?!.. – окликнул бонхеда с растопыренными ушами «Удав». – С бабой-чуркабеской разобраться не можешь?..

– Да я сейчас мигом с ней... – прошипел «Растопыренные уши».

Он поднял руку – намереваясь ударить девушку.

Но тут – с быстротой ракеты – к нему подлетел я. И так двинул ему ногой – что поганец отлетел на несколько метров. Он остался скулить на полу – держась за живот, в который пришелся удар.

Четыре бонхеда поскакали со стульев.

Я – напряженный, как барс перед прыжком – стоял спиной к прилавку, заслоняя девушку и исподлобья глядя на нацистов.

По лицам мерзавцев змеились нервические ухмылки.

Рыжий Адольф прищурился:

– А, это ты, интернационалистская сопля?!.. Давненько тебя в колледже не видно. Крутым стал – да?!.. Да ты знаешь, что мы с тобой сделаем?..

– Мы тебя – как колбасу порежем, – подхватил «Удав». – Молись своим богам, супермен хренов.

Как по команде – нелюди выхватили ножи. Националисты наступали на меня полукольцом – или полумесяцем, «рога» которого должны были упереться в витрину.

Я тоже достал свой складной нож.

– Брось, а то уронишь, – плюнул сквозь зубы «Удав».

– Сдавайтесь, – сказал я.

– Что-о?..

Я метнулся к нацику, который находился левее остальных – и ловким ударом выбил у него нож. Затем вывел «бона» из игры – со всей силы врезав уродцу коленом по «мужскому достоинству».

– Ну ты попал!.. – взревели «Удав», рыжий Адольф и третий оставшийся в строю бонхед с родимым пятном на половину лба.

«Боны» налетели на меня стервятниками – и принялись колоть ножами.

Девушка за прилавком закричала.

Я ссутулился – и прикрылся рукой.

Надо отдать должное Адольфу и компании: молодчики оказались храбрее футбольных фанатов. По крайней мере – не показали сразу спины. Но то, как я лихо разобрался с двумя поганцами – явно произвело впечатление на остальных. Троица наносила ножевые удары бестолково. Подбодряющие себя воплями неонацисты больше мешали друг другу.

Лезвия разорвали мой рукав, оцарапали руку. Но серьезных ран я не получил.

Тогда я ударил сам. Издав гортанное «г-ха!..» – я всадил нож «Родимому пятну» прямо в сердце. Нелепо взмахнув руками – неонацист с открытым ртом повалился на пол.

Адольф и «Удав» оцепенели на миг.

Думали ли отморозки – толпой кидаясь на меня одного – что дело дойдет до убийства их брательника?..

Да я и сам не предполагал полминуты назад, что схватка будет не на жизнь – а на смерть. Мне казалось: как всегда – наступчу по головам, раздам пинков... Но дело дошло до пролития крови. И я не остановлюсь – пока не перережу всех бонхедов, как баранов, или пока субчики не побросают ножи и не сдадутся.

Секунды – на которую Адольф и «Удав» застыли, как под взглядом Медузы Горгоны – мне хватило, чтобы подобрать нож того нацика, которому я заехал коленом по мошонке.

«Удав» опомнился – и буром попер на меня. Я не растерялся – и молниеносно вонзил неонацисту нож в шею. «Удав» крикнул, захрипел – и рухнул подрубленной сосной. Кажется: у меня на счету второй труп.

У рыжего Адольфа глаза выкатились из орбит. Ошарашенно, ошеломленно он посмотрел на меня – и бросился к столу, на котором все еще стояла бутылка водки.

Поднялся с пола «Растопыренные уши». Достав нож – встал рядом с Адольфом.

– Сзади!.. – крикнула мне девушка из-за прилавка.

Я вовремя обернулся: бонхед с отбитой мошонкой как раз подкрадывался ко мне – чтобы ударить в спину.

Не знаю, в какой момент я превратился в гения дзюдо – но я схватил «Отбитые яйца» за руку и за ногу, оторвал от

пола и швырнул в Адольфа и «Растопыренные уши».

Куча мала!.. Сбитые своим «летучим» товарищем – Адольф и «Растопыренные уши» с полминуты валялись на полу. Вставая – кто-то из неонацистов задел бутылку водки. Бутылка упала – и покатила мне под ноги.

Тяжело дыша, с высунутыми по-собачьи языками – нацики (двое с ножами и один безоружный) смотрели на меня налитыми кровью глазами. Я вырвал из шеи «Удава» окровавленный нож – а в другую руку взял бутылку. Упершись спиной в витрину – я сверлил неонацистов взглядом.

– Ты... ты... – прохрипел Адольф, вытягивая в мою сторону руку с ножом, – ты убил наших братанов!.. Думаешь – после такого мы оставим тебя живым?!..

Голос рыжего сорвался на визг.

– Бросайте ножи и уносите отсюда зады, – прорычал я тигром, – если сами хотите остаться целыми.

– Что-о?!.. – взревел «Отбитые яйца». – Да ты знаешь, в какой фарш мы тебя превратим?!..

Я и нацистская троица начали медленно сходиться.

Когда расстояние между мной и супостатами сократилось до метра – «Растопыренные уши» сбоку бросился на меня...

И получил бутылкой по голове.

Осколки стекла и водочные брызги – разлетелись во все стороны. «Растопыренные уши» пошатнулся – и медленно осел. Волосы у него были в крови.

В руке у меня осталось отколотое горло бутылки – рас-

ходящееся несколькими стеклянными «зубами». Этим своеобразным оружием я ткнул «Отбитым яйцам» аккуратно в левый глаз. И закончил дело – вогнав нацику нож в солнечное сплетение.

«Отбитые яйца» рухнул. А Адольф – дико, истошно закричав – ударил меня ножом. Паршивец метил мне в шею. Но я успел отодвинуться – и лезвие полоснуло по плечу.

Я повернулся к Адольфу. Наверное – мои глаза швырнули в этот момент снопы пламени. Потому что рыжий черт тонко взвыл – и, выронив нож из разжавшихся пальцев, ломанулся к выходу из столовой.

Уже распахнув дверь – Адольф обернулся через плечо и визгливо выдал:

– Вам это с рук не сойдет!.. Не надейтесь, кровавые убийцы славян!.. Я приведу моих соратников. Много соратников!.. И мы закопаем вас заживо!..

«Вас». Рыжий нацист – очевидно – имел в виду меня и смуглую девушку за прилавком; которая – вообще-то – была лишь безмолвной свидетельницей бойни.

Только сейчас я смог посмотреть на бедную продавщицу. Изящная восточная девушка – с бровями, точно нарисованными углем – трепетала, как зеленый листок на ветру. Боже, до чего она была красива!..

– Держитесь... – сказал я, утирая тыльной стороной ладони пот с лица. – Теперь... теперь все будет в порядке...

Я окинул столовую взглядом.

Похожие на дохлых рыб – на полу в неестественных скрюченных позах валялись четыре неонациста. Трое отморожков были мертвы. Четвертый – оглушенный бутылкой – мог быть жив. Здесь и там рассыпаны осколки бутылки. Растекалась прозрачная лужа водки.

– Вы ранены... – сказала девушка.

Мой изодранный рукав весь был пропитан кровью.

– Я достану аптечку, – сказала восточная красавица.

Девушка разрежала ножницами мой рукав. Обработала глубокие царапины какой-то жидкостью из флакончика – от которой слегка жгло и щипало. Затем хорошенько перебинтовала мне руку.

– Спасибо... – поблагодарил я. И спросил: – Как вас зовут?..

– Айжан...

– Айжан... – повторил я. И – чуть нахмурившись – сказал: – Вы работаете здесь – в столовой?.. Но вам лучше поискать новую работу. После... резни... вам опасно здесь задерживаться на лишнюю минуту.

– Опасно, – согласилась Айжан. – Я уеду отсюда – и больше тут не покажусь. Но... для начала нам надо замести следы... побоища. В подвале есть две канистры бензина.

Я мигом уловил замысел умницы Айжан.

Я собрал и рассовал по карманам ножи поверженных бонхедов. После чего мы облили все помещение бензином. Тут-то и пригодились спички, которые я – повинуюсь чутью –

привез в рюкзаке. Несколько спичек хватило, чтобы поднялось жаркое рыжее пламя.

Успело заметно повечереть.

Я и Айжан – стоя на обочине трассы – как околдованные смотрели на гигантский факел, в который превратилось здание столовой. Вьющиеся языки огня вырывались из окон. Черный дым клубился тучей. Пепел летел черным же снегом...

Теперь от четырех нациков останутся только обгорелые кости. Никто не докажет, что молодчиков закололи ножом. Куда правдоподобнее выглядит версия: балбесы перепили водки – и не убереглись от пожара.

Оставался – правда – живой свидетель. Адольф. И мое «мистическое чутье» подсказывало: с этим ублюдком я еще встречусь. Мое приключение не закончено. Я предчувствовал: настоящая опасность – еще впереди...

– Что... дальше?.. – тихо спросила меня Айжан.

– Я посажу тебя на автобус до Московии... – чуть глуховато ответил я, не заметив, что перешел на «ты».

– А ты?.. – Айжан подняла на меня свои большие агатовые глаза, в которых блестели слезы.

– Я должен еще кое-что... выполнить.

Как ни неубедительно было мое объяснение – Айжан приняла его. Она больше не спросила ни о чем – и опустила голову мне на грудь. Я погладил густые волосы Айжан – не думая о том, что «изменяю» Тие и Бхайми.



– Дай мне свой номер телефона... – прерывающимся голосом попросил я. – Я свяжусь с тобой... когда... когда все закончу.

Мы перешли на другую сторону трассы – и дождались автобуса.

Прощаясь – Айжан встала на цыпочки и потянулась губами к моим губам. Я обнял ее – и жарко поцеловал.

– Я буду ждать твоего звонка... – прошептала Айжан.

– Береги себя, – сказал я.

## **8.Побоище в лесу**

Воздух давно был непрозрачным. Скоро должно было и вовсе стемнеть.

Посадив Айжан в автобус – я перебрался обратно через трассу и остановился перед окутанными дымом руинам «Душа-столовой». Несколько секунд я прислушивался к своему внутреннему голосу. Куда идти?..

«Лес», – стукнул меня по крышке черепа ответ.

За полем поднимался лес. С рюкзаком на спине, с шестью ножами в карманах – я направился туда.

Я вспомнил: пока ждал автобуса на Александровку – слышал, как пять нациков (четырех из которых я спровадил на тот свет) говорили о каком-то «Лагере». Не нарвусь ли я в лесу на целое осиное гнездо бонхедов?..

Всплыли в памяти сюжеты из новостей. Националисти-

ческие отморозки – гордо именующие себя «истинными арийцами», «защитниками русского рода», «внуками Перуна» и проч. – собираются в лесах на многодневные шашаши. Упражняются в единоборствах, испытывают самодельные бомбы, отрабатывают военные маневры.

Вот оно что!.. Я начал соображать: возможно, предстоящий мне подвиг – это разгромить палаточный городок на полсотни нацистских головорезов. Похоже, меня ждет действительно тяжкое испытание. Неонацисты – враг посерьезнее, чем просто уголовники или даже чем молодчики из САГ. Я легко обратил в бегство толпу футбольных фанатов. Но вот с пятеркой бонхедов пришлось изрядно повозиться. Черти умудрились достать меня ножами...

И если в дебрях прячется не один десяток нациков...

Я утер пот со лба. Что бы там ни было – я буду драться, как барс. Хотя бы мне пришлось сложить буйную голову.

Когда я достиг леса – была уже ночь. Деревья – как бы нарисованные на занавесе тьмы еще более темной краской – казались причудливыми многорукими великанами. Стрекотало какое-то насекомое.

Я решил: шарить по ночному лесу в поисках лагеря националистов – не самое продуктивное занятие. Надо дожидаться утра.

Я сел, упершись спиной в ствол березы. Передо мной был густой малиновый кустарник. Пристроив рюкзак между колен и вложив в руку нож – я попытался заснуть.

Спал я тревожно. Открывая глаза при малейшем шуме.

Ветер шелестел в кронах деревьев. Из кустов доносилось шебаршение. Должно быть – там возился еж или еще какой-нибудь зверек. Раздавалось уханье. Сова?.. Иногда хрустела ветка.

Проснулся я при первом чириканье утренних пташек. Проспал я – в общей сложности – часа три. И не чувствовал себя достаточно отдохнувшим. Плохо. Ведь мне – как подсказывало чутье – предстоит нелегкая битва.

Я подумал о Тие и Бхайми.

Бедные мои девочки!.. Я ведь им так и не позвонил. А здесь – в лесу – телефон не ловил. Наверное – мои красавицы строят десять тысяч предположений о том, куда я подевался.

Ну что же. Я еще обниму и успокою Бхайми и Тию. А пока я должен выполнить дело.

Стараясь не шуметь – я двинулся по лесу. Я крался неслышно – как рысь, которая подбирается к косуле. Ни один обломок сухого сучка не треснул под моим ботинком.

Скоро я услышал голоса.

На лесной тропинке – усеянной старой хвоей – показались два похожих на гоблина амбала с нашитой на рукава свастикой. Амбалы громко переговаривались – матерясь через слово – и собирали хворост.

Я сделался еще тише. Я скользил, как тень, как привидение.

Между деревьями показалась синяя и желтая ткань пала-

ток. Преодолев еще пару десятков метров – я залег под темными коническими елями.

Отсюда хорошо просматривалась большая поляна. На поляне подковой были расположены двенадцать палаток. Горело несколько больших костров. (Мне послышалось: до меня долетает треск веток, пожираемых огнем). На поляне сидели – подложив под ягодицы бревнышки – или слонялись несколько десятков бугаев в кожаных куртках или костюмах цвета хаки. Кто – курил. Кто – пил из термоса. Кто – поджаривал сосиску на палочке над огнем. На длинном шесте – трепыхался на несильном ветру флаг со свастикой и черным уродливым орлом.

Так и есть. Нацистский лагерь. При самом грубом подсчете получалось, что субчиков в лагере – не менее четырех десятков. А сколько еще бродит в окрестностях лагеря – как те два гоблина, которые собирают хворост?..

Голоса «бонов» на поляне сливались в монотонный гул. Все же – я выцепил два голоса. Изрядно помятый Адольф – чуть ли не с плачущими интонациями – распинался перед бородатым зубром лет сорока:

– Да я вам клянусь, капитан!.. Этот тип дрался, как зверь. Одного за другим – завалил четырех наших. Мы ничего не могли поделать с этим... волчарой. Я сбежал, чтобы предупредить вас...

Капитан лишь зло усмехнулся:

– Все это ты говорил вчера, Адольф. И знаешь, что я вы-

нес из твоего рассказа?.. Вы впятером не смогли навалить полудохлому антифашистскому щенку. Но твои товарищи имели мужество погибнуть в бою. А ты... ты удрал, как обкакавшийся заяц. Ты опозорил нас всех, Адольф.

– Но ка-пи-та-ан!..

Я почувствовал, как по губам моим змеится ухмылка.

Растоптанный Адольф – жалкий, как безногий головастик – докладывает своему боссу (группенфюреру – или как это называется у неонацистов?..) о дикой передрыге в придорожной столовой. А «капитан» на три четверти не верит своей шестерке. В глазах предводителя фашистского сборища – Адольф только трус и слабак, бежавший с поля боя.

«Герр капитан» – конечно – за басню считает, что пять бонхедов нарвались на сверх-бойца, подобного Рустаму, рубившему косматых дэвов, как капусту и мясо на суп. Ну что же: придется убедить нацистского скептика, что под небом голубым иногда встречаются богатыри.

Я отполз из-под елок – подальше от Лагеря.

Я подумал: чтобы одолеть четыре или пять десятков бонхедов – ножей недостаточно. Мне нужно метательное оружие.

Я отдалился от неонацистского лагеря километра на два. Расправил плечи. Напряг слух – но кроме птичьего многоголосия ничего не услышал. Можно было заняться изготовлением оружия.

Я нарезал ножом и обстругал несколько десятков прутьев.

Затем достал из рюкзака по наитию прихваченные из дому моток проволоки и плоскогубцы. Плоскогубцами я «откусывал» от проволоки кусок сантиметров в пятнадцать и накручивал на прут – так, чтобы конец торчал, как жало. Получалось нечто вроде дротика.

Работа заняла у меня прилично времени. Сквозь кроны деревьев сочились жаркие лучи высоко вскарабкавшегося по небу солнца. Я шумно вдохнул и выдохнул. Пора было приниматься за работу иного рода.

Только не спрашивайте, как я мог понадеяться на такое хлипкое оружие, как дротик с острием из проволоки. Я верил в проснувшуюся во мне нечеловеческую мощь. Я метну самодельный дротик с такой силой, что он пронзит толстую бонхедскую шею насквозь.

Погрузив сорок два дротика в рюкзак, как в колчан – я двинулся к лагерю нацистов.

Чем ближе к «осиному гнезду» я подходил – тем осторожнее ступал. Нацики могут быть не только в лагере – но и в окрестностях. Я крался тихо – как пантера.

Увидел: впереди – спиною ко мне – сидит на корточках неонацист со спущенными штанами. Собрался испражняться. Я достал нож. Подполз, как змея. И чиркнул лезвием по горлу неонациста. Тот захрипел, валясь на спину. Из раны обильно хлестала кровь.

Ну что, господа фашисты?.. Я открыл счет.

Это вам не дворника-таджика избивать толпой и не на-

силовать турецких девушек. Попробуйте-ка противостоять богатырю.

Выглянув из кустов – я увидел двух молодчиков, прогуливающих по извилистой тропке. Не подозревая об опасности – бугаи то ржали, как лошади, то горланили какой-то нацистский гимн.

Пришло время опробовать мое самодельное оружие. Я метнул дротик в ближайшего бонхеда.

Дротик со свистом рассек воздух – и впился громиле в шею. Бонхед захрипел, качнулся, упал и скорчился.

– Какого?.. – вытаращил глаза второй нацик.

Но тут подскочил я – и молниеносным движением всадил ему нож в сердце.

Вытерев нож от крови – я выдернул дротик из шеи первого нацика.

С ножом в правой руке, с дротиком – в левой, с рюкзаком, полным дротиков, за спиной, я направился к вражескому лагерю. Скоро до меня донесся гул голосов.

Я притаился под елками. Нацики сидели вокруг костров – над которыми булькали котелки. Понятно: у бонхедов по расписанию поздний завтрак или ранний обед. Я заметил и Адольфа, и «капитана»-Зубра. Зубра следовало устранить прежде всего. Это означало бы лишить неонацистское собрание головы.

Я прицелился – и кинул дротик.

Душераздирающий вопль.

Дротик вонзился глубоко в глаз громилы, сидевшего рядом с Зубром.

«Не жилец», – со злорадством отметил я. Дротик проник – конечно – до мозга.

Те бонхеды, что торчали у одного с громиллой костра – повскакали на ноги и тревожно, испуганно завертели головами. Молодчики пялились друг на друга баранами – не понимая, откуда исходит опасность. У соседних костров – кажется – и вовсе не уловили, что что-то произошло.

Захваченный боевым азартом – я, пригибаясь, пробежал сколько-то метров вдоль поляны. Спрятавшись за березой – запустил новый дротик. Чуть не захлопал в ладоши: еще один пораженный в глаз неонацист рухнул прямо в костер.

Тут все осиное гнездо переполошилось. Нацики в смятении забегали по поляне.

– Нас атакуют коммунисты!.. – ревел Зубр.

Паникующие бонхеды были завидной мишенью. Я метнул еще пару дротиков. Одному поганцу дротик пробил затылок. Другому воткнулся (извините!) в ягодицу.

«Капитан»-Зубр пытался взять ситуацию под контроль. Надрывал голосовые связки:

– Все ко мне!.. К флагу!..

Зубра слышали.

Бледные, как привидения, неонацики сгруппировались вокруг трепыхающегося на шесте флага и своего предводителя. Овечий принцип: «Кто в середине – того волк не



съест».

Я не смог удержаться от соблазна метнуть пару убойных дротиков в плотную массу «бонов». Результат: еще два трупа на моем счету.

Нечисть выла от страха. Кто матерился – кто молился. Но Зубр – ором и топотом ног – не позволял своим нукерам разбежаться. Скомандовал, указывая ручищей в том направлении, откуда прилетел мой последний дротик:

– Вениамин!.. Твоя десятка!.. Цепью – и вперед.

– Слушаюсь!.. – без особого энтузиазма откликнулся бритоголовый амбал (очевидно – Вениамин). – Парни, за мной!..

Десять неонацистов выхватили ножи, развернулись в цепь и – подбадривая друг друга криками – двинулись через поляну в лес.

Я успел поменять место дислокации. Когда десяток нациков вступил под кроны деревьев – я оказался чуть в сторонке от левого фланга цепи. Цепь растянулась. Между громилами было по несколько метров.

Как злой дух – я налетел на левофлангового нацика. И прежде чем тот пикнул – перерезал уроду горло.

Соседний «бон» меня заметил. Он выпучил глаза и закричал. Видимо, у него от ужаса отнялся язык.

Я поднял нож убитого мною нацика – и швырнул в кричащего «бона». В яблочко!.. С ножом в груди – «бон» повалился на траву.

– Смотрите!.. Смотрите!.. – Вениамин и семь нацистов –

наконец – меня увидели.

Цепь сбилась в кучу – или в ком, который покотился на меня. Держа в руках по ножу – я поджидал супостатов.

– За Русь!.. – бросили клич фашисты.

Я ответил тигриным рычанием.

Мы сшиблись. Лезвия ножей замелькали, как клювы хищных птиц.

Я ловко уклонялся от вражеских ударов. А сам разил без промаха. Нацисты поливали меня отборным матом. Они толкались – мешая друг другу. Как баранам – я чиркал неонацистам лезвиями по горлам. Бонхеды падали, будто мешки.

Все же и нацики несколько раз достали меня ножами. Лезвия распорили на мне куртку. Оцарапали руку и плечо. А одно лезвие неглубоко вонзилось между ребер. Но раны только распалили мою звериную ярость. Скоро восемь нацистов – забрызганные кровью – лежали друг на друге. Ни одному не удалось сбежать.

А дальше я сделал страшное.

Если вы кисейная барышня или особо впечатлительный интеллигент – пропустите эту часть моего рассказа.

Я ножом аккуратно отрезал голову Вениамину и еще одному бонхеду. Эти головы – с выкатившимися из орбит потухшими глазами и с высунутыми языками – я швырнул в толпящихся на поляне расистов.

Полные запредельного ужаса вопли пронесли по неонацистскому сборищу:

– Вы видели?.. Им головы отрезали!.. Головы!..

– Нас не «комми» атакуют – а сам дьявол!..

– Мотаем, пока и нас не почикали!..

И неонацисты – жалкие, как овцы – ударились в бегство. Ломанулись в лес – в сторону, противоположную той, откуда прилетели головы. Только сухие ветки захрустели под тяжелыми ботинками.

– Стойте!.. Стойте, чертовы трусы!.. – пытался остановить свое насмерть перепуганное «воинство» «генерал»-Зубр.

Поймал за шиворот трясущегося Адольфа.

Но окрики группенфюрера не имели особого эффекта. Националистическое стадо удрало. С Зубром на поляне осталось шесть человек – включая Адольфа.

И тогда я – с выпрямленной спиной, твердыми шагами – вышел на поляну. В одной руке сжимая дротик, а в другой – нож.

У националистов отвисли челюсти и расширились глаза. Вероятно, отморозки ждали появления целого взвода накачаных, до зубов вооруженных парней. А тут... всего один – вдобавок довольно-таки тощий – добрый молодец.

Но не сказать, что мой выход не произвел на нацистов впечатления. Может, им стало еще страшнее от того, что со столькими их товарищами расправился всего один человек. Должно быть, я казался нацикам ангелом смерти.

На поляне по-прежнему полыхало несколько рыжих костров.

Семь нацистов застыли, как соляные глыбы. Нацики были изумлены, напуганы, шокированы.

Я ухмыльнулся и потряс дротиком. Сказал хрипло:

– Это я убил ваших подельников. Вот как я это сделал.

И я метнул дротик.

Дротик вошел глубоко в глаз ближайшему ко мне «бону» – который упал на землю и забился в конвульсиях.

Зубр сбросил оцепенение.

– Чего замерли, как статуи?!.. – крикнул он своим нукерам. – Этот гад всего один. Бейте его!..

Четыре нациста – подбадривая себя отчаянным воплем – ринулись на меня. Стоять остался только Адольф. Я взмахнул ножом...

Казалось: мое тело двигается само по себе – без участия сознания. Я легко уходил от наскоков «бонов» – и без ошибки ударял в ответ. Скоро все четыре нацика валялись дохлыми гигантскими крысами.

Зубр дико взревел:

– Ты убил моих парней!..

Подняв суковатую палку – он бросился в бой.

Взъерошенный группенфюрер и правда походил сейчас на зубра. Или на ослепленного яростью кабана.

Зубр вращал свою дубинку. Так что я не мог дотянуться до него ножом. Чертов скот норовил огреть меня по руке – выбить у меня нож. Мы могли бы долго так кружить, будто танцоры. Чего доброго – вернулись бы сбежавшие нацики и

помогли своему предводителю.

Я сделал рискованный ход.

Шагнул прямо на Зубра – не глядя на грозно занесенную дубинку.

Зуб на долю мгновения замешкался – пораженный моей наглостью. Но доли мгновения мне хватило. Я пырнул группенфюрера ножом в живот и одновременно двинул врагу ногой по коленям.

Зубр повалился в костер. Кипевший на огне котелок опрокинулся – на вожака нацистов вылилось варево.

Зубр издал то ли вопль, то ли рев – теряя свою суковатую «палицу». А я прижал националистического пахана к земле. И одним ловким движением перерезал ему горло.

Зубр забился в агонии. Он истекал темной кровью. На секунду я застыл над поверженным врагом. А потом медленно перевел взгляд на Адольфа.

Поразительно: рыжий Адольф не слинял, воспользовавшись тем, что я занят разборками с Зубром.

Нет. Ничего удивительного тут не было. Позаботиться о спасении собственной шкуры Адольфу помешал страх. Страх сковал труса по рукам и ногам.

Я подошел к Адольфу вплотную.

Он открыл рот – попытался что-то сказать. Должно быть – попросить пощады. Но выдавил из себя только нечленораздельное кваканье.

– Ну что, рыжий?.. – не без злорадства спросил я. – Что

мне с тобой делать?..

Адольф весь затрясся, как на морозе. Из штанины наци-ка полилась жидкость. Адольф – грозный фашист Адольф, гонявший меня в колледже – извините, обмочился. Ха!.. Напрудил себе в штаны!..

Я посмотрел на своего бывшего мучителя с презрением:  
– Ладно. Живи.

Я вытер свой окровавленный нож о рыжую шевелюру Адольфа. Поднес заблестевшее лезвие к самому лицу неонацистского слизняка.

– Живи. Но помни: ты никому никогда не расскажешь, кто убил твоих корешей. Не так: ты до самой гробовой доски не заикнешься о том, что случилось в этом лесу. Будешь тише воды – ниже травы... И не дай бог ты обидишь слабого. Или просто вскинешь руку в нацистском приветствии... Пошел отсюда.

Адольф снова издал бессмысленное кваканье. Как же дрожали коленки у этой никчемной бонхедской улитки!..

– Пошел отсюда, – повторил я. И когда Адольф повернулся ко мне спиной – отвесил рыжему пинок под зад.

Адольф скрылся за деревьями.

Я остался на поляне один – над нацистскими трупами.

## **9. Богини Верхнего мира**

Только в автобусе на Московию я почувствовал, как болят

раны, нанесенные мне бонхедами.

Прежде чем покинуть поляну, я потушил костры – чтобы не было лесного пожара. Трупы нациков оставил лежать – как лежали. Будет пожива лисам и хорькам. «Боны» принесут пользу хотя бы в качестве мяса на корм зверькам.

Теперь моей задачей было добраться до дому. Обнять Тию и Бхайми.

Меня мутило. Как будто лишь сейчас я осознал: там, в лесу – я убил двадцать четыре человека. А если прибавить четырех бонхедов, которых я порешил в придорожной столовой – будет двадцать восемь трупов.

Я закрывал глаза – и видел искаженные от ужаса физиономии нациков. Мне слышались отчаянные вопли и приглушенные хрипы чертовых расистов. Меня тянуло блевать.

Боже, до чего тяжело убить человека. Даже если ты знаешь: этот человек – отморозок, гниль, вонючий фашист. А я раздавил не одну гниду – а почти три десятка. Я не сомневался: мертвые националисты будут теперь преследовать меня в снах.

Я решил: обо всех своих похождениях расскажу Бхайми и Тие. Девушки меня – конечно – поймут. И на душе у меня станет легче.

Я не палач. Я ангел справедливости и возмездия. Те двадцать четыре «бона», которых я оставил разлагаться в лесу – на радость охочим до падали хвостатым и пернатым – были дрянными людишками. Да и как не дрянными могут быть

субъекты, поднявшие флаг со свастикой?..

Эти поганые нацики избивали дворников-таджиков. Унижали людей за «не тот» разрез глаз или цвет кожи. Не исключено: насиловали восточных девушек – таких, как Тия и Бхайми, как Айжан. Я своего рода «санитар природы». На поляне общества я вырвал с корнем почти три десятка сорняков – мешавших расти цветам.

Я понимал: я прав. Но от этого мне не становилось сильно легче. Вдобавок ныли раны.

Когда я сошел с автобуса – меня шатало, как моряка, под ногами у которого танцующая палуба. Еще предстояло ехать на метро.

Мне повезло: в вагоне электропоезда нашлось свободное место, чтобы сесть. Я подпирал руками голову. И был близок к потере сознания.

После метро – снова автобус. До пригорода. Салон был полон – мне пришлось стоять, держась за поручень. Мне казалось: если разожму пальцы, выпущу поручень – не только повалюсь на стоящих рядом пассажиров, но и соскользну в черную бездну, откуда не вынырнуть.

Наконец – наш пригород. Я не мог порадоваться ни ясному солнышку, ни бирюзовому небу, ни гоготу уток на озере; ни дородным котам, играющим на зеленой сочной траве, среди белых и желтых одуванчиков.

Я еле переставлял ноги. Скорей бы добраться до квартиры. Тии и Бхайми – наверное – нет дома. Они в это время



на работе. Бедные мои девочки!.. Что они подумали, когда вчера я не вернулся домой?..

Я попытался ободрить себя мыслью: ничего – доберусь до постели, посплю пару часиков и буду как огурчик. Пожарю картошку с колечками лука и консервами «мясо цыпленка». Схожу в магазин за вишневым и апельсиновым соком. Когда девушки придут – накормлю красавиц вкусным обедом. Потом будем пить чай, шутить и смеяться.

О трупях нациков в лесу – можно будет временно забыть. Но когда я соберусь с духом – я обязательно расскажу Тие и Бхайми о своем «мистическом чутье», о прочих сверхспособностях и о всех моих «богатырских подвигах».

Я открыл дверь квартиры. На пороге – от слабости – чуть не упал. Уперся рукой в стену. Навстречу мне выпорхнули Бхайми и Тия. Они были дома.

– Заходи, заходи, золотой!..

Девушки подхватили меня под руки.

И тут я почувствовал, что моя усталость – это придавивший меня неподъемный валун. Красавицы дотащили меня до постели почти волоком. Уложили на белоснежную простыню. Тия стянула с меня штаны, а Бхайми – рубашку. Я был в эту минуту беспомощнее младенца.

– Боже, какие раны!.. – воскликнула Бхайми.

– Сейчас будет немного щипать, – сказала Тия, доставая вату и какой-то флакончик.

– Девушки, я должен многое вам рассказать... – прохри-

пел я.

– Мы знаем, дорогой. Знаем, – Бхайми погладила меня по волосам. – Ты расскажешь... потом. Сейчас тебе надо отдохнуть.

Тия промыла прозрачной жидкостью из флакончика мои царапины и раны. Я почувствовал легкое жжение. Тия заклеила мои раны пластырем:

– Так-то лучше, милый.

Бхайми поднесла к моим губам стакан какого-то настоя – распространяющего густой запах.

Девушки точно подготовились встречать меня – героя с поля сражения. Как кстати оказались у них под рукой и флакончик с лекарством, и пластырь, и кружка с травяным настоем. Да и постель была свежая – видать, только высохшая после стирки.

– Я... я... Со мной много всего произошло... – предпринял я попытку все же рассказать девушкам о своих похождениях.

– Не говори ничего, – Тия приложила пальчик к моим губам. – Тебе сейчас надо расслабиться и поспать. Расслабиться я тебе сейчас помогу...

Тия (она была в платье до колен) проворно сняла трусики, задрала подол и села мне на бедра. Она начала совершать движения вверх-вниз – так что скоро я возбуждился. Тогда Тия ввела себе мой член и взяла быстрый темп. Губы ее были полуоткрыты, волосы растрепались, взгляд затуманил-

ся.

– Ахх... – застонала она, выгибая спину.

В эту минуту и я достиг разрядки.

Мне стало запредельно хорошо. Действительно: удалось расслабиться. По телу прошли волны, от которых размягчались мышцы.

– Теперь поспи, – нежно сказала Бхайми, поцеловав меня в лоб. – А я и Тия будем по очереди дежурить у твоей постели.

Я послушно закрыл глаза.

Я думал: накатят совсем свежие воспоминания о бойне в лесу, нарисуются перечеркнутые ужасом рожи бонхедов – и я не смогу уснуть. Но я ошибся: сон накрыл меня мягким одеялом. Спал я без сновидений. Точно исчез из мира.

Очнулся я – судя по наполнявшей комнату мгле – посреди ночи. Я – конечно – узнал сидящую у моей постели Бхайми.

– Ну как, дорогой?.. – тихо спросила красавица. – Тебе лучше?..

– Д-да... кажется... – неуверенно отозвался я.

– Сейчас, мой хороший.

Бхайми неторопливо разделась, взобралась ко мне на постель и приникла губами к моим губам.

Мое сердце загремело турецким барабаном.

Не прерывая поцелуя – я перевернул Бхайми на спину. И вошел в девушку своим затвердевшим членом. Она охнула. А затем обвила руками мою шею. Я долбил Бхайми; прон-

зал, как копьём. А она – постанывая – совершала встречные движения. Я кончил и – довольный, как наевшийся сметаны кот – отвалился от Бхайми.

– Прекрасно, дорогой, – сказала Бхайми, вставая с постели и поправляя волосы. – А теперь спи.

Спал я долго и крепко.

Когда я проснулся – к кровати был придвинут столик, на котором давал пары ароматный кофе в фарфоровых чашечках; на блюде – бутерброды с сыром и колбасой.

Тя и Бхайми сидели – и смотрели на меня.

Я приподнялся.

– Ты хорошо выспался, дорогой?.. – ласково спросила Тя.

– Хорошо... – выдохнул я. И сел – по-восточному – скрестив ноги. – А теперь – я думаю – нам надо поговорить...

Мысленно я прикидывал, как поубедительнее донести до девушек невероятную правду. Что со мной – в последнее время – происходят поразительные вещи. Что какая-то неведомая сила выталкивает меня из дому. И я – как Зорро, Робин Гуд или Рустам – совершаю блистательные подвиги.

Я защитил пожилую женщину от Вора. Обратил в бегство агрессивную толпу футбольных фанатов. Спас мусульманских подростков от воинствующих православных христиан из САГ. И – наконец – умылся кровью почти трех десятков нацистов, слетевшихся в лес на шабаш.

– Мне многое надо вам рассказать... – проямлил я, так

и не придумав, как именно поведу свой поистине фантастический рассказ.

– Мы знаем, – сказала Бхайми.

– Да, мы знаем, – подтвердила Тия. – Знаем все, что ты можешь рассказать.

– И про то, как ты внезапно обрел богатырскую силу, – стала перечислять Бхайми. – И про то, как не дал Вору ограбить пожилую даму...

– И что ты вынул души из двадцати восьми националистов – нам тоже известно, – подхватила Тия.

– Мы знаем даже про Айжан, – обольстительно улыбнулась Бхайми.

– Но как?.. – ошарашенный, выдохнул я.

При упоминании Айжан я ощутил, что покраснел, как свекла. Я ведь целовал Айжан. Считается ли, что я изменил двум своим милым лунам?..

– Рассказывать должны мы с Бхайми, – сказала Тия. – А ты попробуй нам поверить.

Я смотрел на девушек – плохо соображая.

– Наша встреча с тобой не была случайна, – начала Бхайми. – Листовки с нашими портретами были не для кого-то – а для тебя. Мы хотели, чтобы – глядя на эти листовки – ты загорелся мечтой сблизиться с нами. Потом ты нашел нас в коммуналке. Это тоже было подстроено нами. В нашей власти было предвидеть каждый твой шаг...

– Говоря начистоту, – сказала Тия, – Бхайми и я – суще-

ства из Верхнего мира, решившие вмешаться в твою жизнь.

– Я не понимаю... – едва ворочая языком, произнес я и тряхнул головой, как укушенный слепнем конь.

Бхайми улыбнулась:

– Лучше начать – как это говорится – с яйца. Или от истока. Древнеримский философ Лукреций Кар говорил, что во Вселенной есть области, населенные счастливыми обитателями – богами. Так вот: мудрый римлянин – в общем – не погрешил против истины...

– Верхний мир – и есть такая область, – тоже сияя улыбкой, сказала Тия. – А я и Бхайми – как бы это пафосно ни звучало – богини. В нашем Верхнем мире нет старости, болезней и смерти. Там живут вечно юные девушки, коротающие время в тенистых садах...

– И вы способны вмешиваться в дела нашего – грязного земного мира?.. – хрипловато спросил я.

То, что говорили Тия и Бхайми казалось сказкой для наивных детей. Но я как-то сразу, легко поверил своим красавицам. В конце концов: с тех пор, как я впервые увидел девушек раздающими листовки у метро – со мной произошло столько удивительных вещей!..

– Способны, – сказала Бхайми. – Но понемножку. – Не в наших силах раздуть пламя мировой социальной революции или предотвратить ядерную войну. Но устроить судьбу отдельного человека...

– Устроить судьбу отдельно взятого человека – в вашей

власти?.. И вы решили позаботиться обо мне?.. – чуть ли не с горячими слезами спросил я.

На сердце потеплело. Из миллиардов людей – насекомыми снующих по лицу Земли – Тия и Бхайми выбрали меня.

Тия с нежностью дотронулась до моего плеча:

– Да. Мы решили помочь тебе.

– Из нашего Верхнего мира мы можем наблюдать за вашей Землей, как в телескоп, – объяснила Бхайми. – И можем улавливать ваши мысли и чувства – как радиоволны. Так мы нашли тебя...

– Ты сигнализировал во Вселенную: «Я хороший, честный парень, мечтающий о подвигах», – сказала Тия. – Какое-то время мы наблюдали за тобой. Ты не представляешь, насколько больно – будто ржавую иголку в сердце загоняешь – было видеть, как над тобой измываются одноклассники.

– Но мы убедились, – сказала Бхайми, – что ты – всему вопреки – сохранил чувство собственного достоинства. Ты терпел обиды. Даже побои. Но ты не стелился перед хулиганами. Не лебезил. Не превратился в трусливого подхалима...

– И эта твоя тетрадка с историями и стихами... – нежно глянула на меня Тия. – Это свидетельство того, что ты живешь напряженной духовной жизнью. Такое не могло нас не привлечь...

– И мы решили спуститься к тебе на Землю, – сказала Бхайми. – Дать тебе вкусить счастья. Ведь нет для юноши большей радости, чем любовь двух сказочных красавиц. Не

так ли?..

Бхайми лукаво мне подмигнула.

– И еще мы одолжили тебе немного наших «божественных» чутья и силы, – сказала Тия. – Мы знали: ты не употребишь их во зло...

– Я убил двадцать восемь человек... – прохрипел я.

– Ты убил не невинных овец, а нацистов, – положила мне руку на плечо Бхайми. – Каждый из этих молодчиков замарался скверными делами. Такими, как избиения людей; даже изнасилования и убийства. Ты сделал мир чище – выметя железной метлой немного двуногой мерзости.

Мы помолчали.

– Вы останетесь со мной?.. – робко спросил я.

– Сожалеем, – ответила Тия. – Мы не можем долго оставаться среди людей. Нам придется вернуться в Верхний мир.

Еще на минуту повисла тишина.

– Я знал, – понурился я. – Так часто бывает в сказках. Прекрасная дева из иного мира – ночь, месяц, год проводит с земным молодцом... а потом возвращается, откуда пришла...

– Сказки сложены умными людьми, – склонила голову Бхайми.

– Да. Нам придется с тобой расстаться, – грустно подтвердила Тия. – Но – прежде чем уйти – мы сделаем тебе царский... нет – даже божественный подарок.

– Мы покажем тебе наш Верхний мир, – сказала Бхайми. –



Поверь: ты не забудешь этого никогда.

– Но... как такое возможно?.. – растерянно спросил я.

– А как, – улыбнулась Тия, – возможно, что забитый студент технологического колледжа, терпевший насмешки и издевательства хулиганов-сокурсников – вдруг оказался богатырем?.. Защитником слабых?.. Борцом с неонацистской нечистью?.. Просто доверься нам.

– Просто доверься нам, – повторила за Тией Бхайми. – Ты обрешь такой волшебный опыт, который всю твою жизнь будет согревать тебе сердце.

– И как же... мы перенесемся в Верхний мир?.. – все еще с сомнением спросил я.

– О, это совсем легко!.. – ответила Тия. – Просто возьми нас за руки и закрой глаза.

Я пожал плечами.

Все трое – мы взялись за руки. Сплели пальцы. Было так приятно своими пальцами ощущать нежные пальчики девушек!..

Я зажмурился. А дальше произошло нечто с трудом передаваемое словами.

Бесплотным духом я взлетел в небеса. Как бы выскользнул из тесного скафандра мяса, костей и сухожилий. Я не видел, но четко ощущал по правую руку от себя – Бхайми, по левую – Тию. Более свободные и счастливые, чем птицы – мы плыли в синеве.

Я глянул вниз.

Под нами простирался – насколько хватало взгляда – восхитительный пейзаж. Бесконечные зеленые луга. Купы деревьев. Извилистые голубые прожилки рек. Ослепительно белые дворцы. Там и сям сновали крохотные – как муравьишки – животные и люди.

Эта чудесная картина обладала удивительным свойством. Стоило мне пристальнее посмотреть на какую-либо ее деталь – как эта деталь разрасталась до естественных размеров. Я мог разглядеть каждый красноватый плод – под тяжестью которого гнулась гибкая ветка стройного дерева; каждый изумрудный листок. Алый, синий, желтый, белый цветок на лужайке.

Так прекрасно было обозревать этот райский сад, где журчали прозрачные ручьи и выводили мелодичные трели соловьи!..

Всюду взгляд мой находил смеющихся девушек. Любая из них была маленьким солнышком. В просторных – похожих на кимоно – узорных одеждах, красавицы гуляли по кипарисовым аллеям. Срывали с деревьев плоды. Плели гирлянды из цветов. Играли в шахматы, устроившись на берегу ручья. Или кормили ручных косуль.

Косуль было множество. Они бродили здесь и там – тонконогие, изящные, с маленькими рогами. Совсем не боящиеся девушек – косули сами тянулись за угощением.

Взгляд мой проникал за стены дворцов. В уютных покоях на пестрых коврах и подушках сидели обворожительные

красавицы. Бренчали на арфах и на каких-то неизвестных мне музыкальных инструментах. Пели на неведомом языке.

Созерцание Верхнего мира – этого подлинного рая – доставило мне непередаваемое блаженство. Мне хотелось вечно птицей кружить над тенистыми садами. Превратившись в легкий прохладный ветерок – обвевать лица девушек, гладящих косуль. Впивать ушами нежное звучание арф...

О, я был полон восторга!..

– Открой глаза, милый, – услышал я голос Тии.

Я послушно открыл глаза – и снова оказался в нашей студии. Улыбаясь – на меня смотрели Тия и Бхайми.

– Ну как?.. – спросила Бхайми, кладя маленькую ладошку мне на грудь. – Тебе понравилось?..

– Это было... было восхитительно... – выдохнул я. – Я точно побывал в раю... Я хотел бы – вместе с вами – остаться там навсегда.

– Жаль, что это невозможно... – грустно заметила Тия.

– Теперь... вы покинете меня?.. – спросил я.

– Да. Мы должны вернуться в Верхний мир, – ответила Бхайми.

Левой рукой я взял руку Тии, правой – руку Бхайми. У меня задергался кадык. На глаза навернулись слезы.

– Я... я буду помнить вас...

– Мы знаем, – отозвалась Тия.

– И мы постараемся сделать так, чтобы расставание было для тебя как можно менее болезненным, – сказала Бхайми.

– Но как?.. – изумился я.

– Поверь: девушкам такое по силам, – ответила Тия.

Она – не торопясь – разделась. И – совершенно обнаженная – села рядом со мной на постель. На нежном смуглом личике Тии играл румянец. У меня – конечно – широко распахнулись глаза и раздулись ноздри. Я погладил похожую на два плодика грудь Тии. Меня охватило сладкое томление.

– Не спеши, милый, – с нежным смехом сказала Бхайми.

Она тоже оголилась и опустилась на постель.

Мое сердце так и застучало: «тук-тук!..» – разгоняя горячую кровь по венам. Две обнаженных красавицы, до которых ты можешь дотронуться рукой. От чего еще так закружится голова?..

А девушки – тихонько посмеиваясь над моим волнением – принялись... ласкать друг друга. Сидя одна напротив другой – они обменивались поцелуями. В губы, в грудь... В глаза... Даже в бритые подмышки. Сплетали руки друг у друга на шее.

От такого зрелища я все сильнее возбуждался. Точно жидкий огонь струился по моим жилам.

Наконец Бхайми повалила Тию на спину. И страстно приникла губами к губам подруги.

Тут уж я не смог утерпеть. Сбросив трусы – я вошел в Бхайми твердым удлинившимся членом.

– А-а-ах!.. – только застонала она.

После нескольких сильных резких толчков – я бурно фи-

нишировал. Лег на спину – перевести дух.

– Я... могу и дольше... – как бы оправдываясь, сказал я.

– Мы знаем, милый, – с улыбкой ответила Бхайми.

Я восстанавливал дыхание минуты полторы.

Тия взобралась на меня – и стала тереться о меня, как большая кошка. От этого я быстро снова возбуждился.

Я сел. Положил Тию на спину. Тия закинула ноги мне за шею. Я начал жестко долбить девушку – чуть ли не ревя динозавром от удовольствия. Тия закрыла глаза. А с ее алых полуоткрытых губ – лились горячие стоны. Черные локоны красиво разметались по белоснежной простыне...

Я еще по разу сошелся с Бхайми и Тией. Я был в ударе – а девочки были просто огонь. В каком-то диком самозабвении отдавались мы радостям плотской любви. Пока – полностью выжатые – не растянулись на постели. Посередке – я, слева – Тия, справа – Бхайми. Одной рукой обнимая Тию, а другой – Бхайми, я закрыл глаза и бумажным корабликом заскользил по волнам сладких снов...

Мне снилось: я, Тия и Бхайми – держась за руки – гуляем по тенистым садам Верхнего мира. Срываем цветы и играем в догонялки. Гладим ручных косуль. А потом – под сводом белого дворца, на широком ложе – наслаждаемся любовью. Стискиваем друг друга в объятиях и теряем счет поцелуям...

Я будто снова совершил путешествие в Верхний мир, в компании дорогих моему сердцу красавиц...

Я очнулся – и не сразу понял, где нахожусь. Надо мною

белел потолок. Я перевернулся на бок. На столике, придвинутом к кровати – стояло блюдо с бутербродами и фарфоровые чашечки, из которых мы пили кофе.

На чуть скомкавшейся постели я лежал один. Тии и Бхайми не было. Я понял: они вернулись в свой Верхний мир.

Последнее, что подарили мне девушки – это головокружительный секс, после которого мне снились чудесные сны. Мне до сих пор было так хорошо, такое сладкое я испытывал послевкусие –

что я совсем не чувствовал тоски. Хотя и понимал: Бхайми и Тию мне никогда больше не увидеть.

Я поднялся с постели и прошелся по студии. В голове немножко шумело. Я налил кофе с молоком в фарфоровую чашку – и опрокинул себе в глотку.

Тия и Бхайми – две моих луны – канули за горизонт. Что мне теперь делать?..

«Придется устроиться на работу, – подумал я лениво. – Надо же оплачивать аренду жилплощади. И чтобы оставалась денежка на хлеб с докторской колбасой».

О, Тия!.. О, Бхайми!..

Появление двух красавиц в моей жизни было подобно волшебному сну в короткую летнюю ночь. Точно и впрямь две луны взошли на темное небо моего существования – а затем скрылись за клубящимися тучами.

Я расстался с моими кудесницами.

Мои богатырские чутье и силу Бхайми и Тия тоже – оче-

видно – забрали с собой. Я больше не чувствовал в себе способность разогнать сборище футбольных фанатов или неонацистов; даже просто навалить какому-нибудь хулигану-громиле.

И все равно: я был лучше, чем до встречи с красавицами.

Я больше не был хлюпиком, придавленным опекой чересчур властных родителей – за меня решающих, «что такое хорошо» и «что такое плохо». Ни забитым студентиком технологического колледжа – как блохастый кот получающим ботинком по животу от жестоких одноклассников. Никто теперь не кинет мусор мне за шиворот.

Я в состоянии зарабатывать себе на жизнь. Платить за съемные квадратные метры. Можно сказать: я самый счастливый человек на земле.

В самом деле. Кому еще повезло в течение месяцев делить кров с двумя прекрасными девушками?.. Мы ели ананасы и кур гриль. Играли в шахматы и занимались сексом. Такие умопомрачительные удовольствия не снились даже пророку Мухаммеду в мусульманском раю!..

Я поквитался со своими обидчиками: Вором, Псом и попом Гаврилой. А рыжий Адольф – тот аж напрудил в штаны. Такой страх я внушил треклятому упырю.

Я еще раз торопливо обошел студию – как тигр тесную клетку. Выпил вторую чашку кофе. Заел бутербродом с сыром. Что мне делать сейчас – когда я проснулся без Тии и Бхайми?..

Я подумал немного. Вдохнул – выдохнул. Взял телефон – и набрал номер Айжан.

## 10. Третья луна

Что сказать напоследок?.. Я думаю так: для кого однажды взошли две луны – тот уже не будет несчастным страдальцем.

Я устроил свою жизнь.

Я созвонился с Айжан. Предложил посидеть в японском кафе.

Мы заказали роллы и рис с курицей.

Поначалу Айжан была напряжена. Даже испугана. Она почти не поднимала на меня свои восхитительные агатовые глаза. Конечно!.. Я был для Айжан живым напоминанием о страшном. О том, как падали гориллы-бонхеды под ударами моего ножа. И как полыхала гигантским рыжим факелом придорожная столовая.

Но я был обходителен и весел. И потихоньку Айжан растаяла. Она смеялась моим шуткам. Смотрела на меня с нежностью. Айжан положила свою маленькую ручку на мою руку – и сказала:

– Спасибо... что тогда спас меня.

В конце свидания мы горячо поцеловались.

После четырех свиданий я и Айжан поняли, что не можем друг без друга. Я предложил Айжан переехать ко мне.



Я устроился оператором в колл-центр. А Айжан расставляла товары по полкам в торговом зале гипермаркета. Нам хватало денег, чтобы оплачивать ту самую студию, в которой я столько сладостных ночей и дней провел с Бхайми и Тией. Да еще оставалось на хлеб с маслом. И на то, чтобы раз в неделю побаловаться мандаринками, виноградом или шоколадом с фундуком.

Мы вставали утром по будильнику. Айжан расчесывала свои густые черные волосы. Потом мы пили ароматный молочный кофе и закусывали бутербродами с колбасой и сыром.

Одевшись – выходили из квартиры. И – держась за руки – топали к автобусной остановке. Сидя в катящемся по шоссе автобусе – смотрели в окно и щебетали, как птички.

Я рассказывал Айжан про супервайзера, которого в колл-центре любовно звали Поросенком. И супервайзер заслужил такое прозвище. Он был розовый, с заплывшими крохотными глазками и настолько жирный, что чуть ли не застревал в дверях. Когда Поросенок распекал кого-нибудь из операторов – то мог случайно хрюкнуть.

Айжан от души смеялась.

Сама делилась со мной: с кем из коллег дружит, а с кем старается лишний раз не пересекаться. Трудовой коллектив гипермаркета состоял из таких же приезжих девушек, что и Айжан. И разговоры у моей милой на работе были почти только о парнях.

– Для Гули нашелся жених, – говорила мне Айжан. – Счастливая ходит. Сияет, как звездочка. А Света все мается. Не везет ей с мужчинами.

Мы доезжали до метро.

Спустившись в городскую подземку – расставались. Нам надо было ехать в разные стороны. Я крепко обнимал и целовал Айжан. Сажал ее в электропоезд. Она махала мне ручкой из окна уплывающего вагона.

Вечером мы встречались на автобусной остановке. Усталые после работы – но счастливые оттого, что видим друг друга – мы жарко обнимались.

Автобус вез нас домой – мы сидели, тесно прижавшись друг к другу. И ворковали, как голубки. Я развлекал Айжан историями и анекдотами. Она слушала меня – и нежно улыбалась.

Дома – приняв вместе душ – мы принимались стряпать ужин. Пока я чистил и резал картошку – Айжан успевала порубить огурцы и помидоры на салат. В ожидании, когда пожарится картофель, к которому мы добавляли тушенку – мы пили чай и вели бесконечные разговоры.

Помыв после ужина посуду – Айжан мурчащей кошечкой ласкалась ко мне и говорила:

– Теперь я хочу слушать твои сказки!..

Так Айжан называла мои прозаические и стихотворные пересказы древних легенд и преданий. Я открывал свою пухлую тетрадку и зачитывал какую-нибудь историю.

– Прекрасно!.. Прекрасно!.. – восклицала Айжан.

Она была самой благодарной слушательницей.

– Набери свои истории на компьютере и отправь в издательство, – убеждала меня Айжан. – Я уверена: твою книгу напечатают. Ты найдешь много благодарных читателей.

– Может быть... – нерешительно соглашался я.

Я прятал тетрадку в ящик стола.

Мы с Айжан сбрасывали одежду и занимались сексом.

На ложе любви я был голодным диким зверем. Тонкая талия, льющисся потоком длинные волосы, упругая грудь Айжан – заводили меня. Я доходил до неистовства. Я стискивал Айжан в объятиях. Целовал взасос. Обработывал языком ее соски.

Тия и Бхайми научили меня многим хитростям плотской любви. И теперь – в постели с Айжан – я был не менее неутолимимым искусником, чем сам Кришна.

Я ставил Айжан на четвереньки. Или клал ее ноги себе вокруг пояса. Подминал ее под себя. И долбил, долбил ее твердым, точно каменным, членом. Протяжные стоны Айжан сильнее разжигали мою страсть. У меня крышу сносило оттого, что Айжан вьется в моих объятиях гибкой лианой. Доведенному до исступления – мне хотелось реветь, как тигру.

За ночь я не меньше трех раз сливал в Айжан сперму.

Мы засыпали, крепко обнявшись – и не открывали глаз до звонка будильника.

Однажды в выходной день я проснулся и – перевернувшись с боку на спину – сладко зевнул. Сияющая Айжан – весь наряд которой состоял из белой футболки – подала мне в постель чашечку кофе, распространяющего щекочущий ноздри аромат. Пока я пил – Айжан с милой улыбкой наблюдала за мной. А когда я с благодарностью вернул чашку – сказала:

– Ну, золотой. Сегодня у нас важный день.

– Важный день?.. – не понял я.

– Именно, дорогой. Важный день. Сегодня мы начнем готовить твои сказки к отправке в издательство. Ну-ка, вылезай из-под одеялка!..

И Айжан – залиvisto смеясь – двумя руками потянула меня за руку.

– Где твоя тетрадка?.. – спросила моя девочка, когда я поднялся с постели.

Покорный, как ягненок – я достал свою рукопись. Айжан – тем временем – включила ноутбук.

– Садись, любимый. И набирай в текстовом редакторе свои истории.

Послушным котиком – я застучал по клавишам.

Айжан пристроилась позади меня – и через мое плечо смотрела на экран. Иногда советовала, как перестроить ту или другую фразу; выкинуть, добавить либо заменить какое-нибудь слово. Я поражался: все советы Айжан были по делу. Похоже, литературное чутье у нее было не слабее мо-

его.

Мы сидели перед ноутбуком весь день – прерываясь только на еду и на занятия любовью. Айжан состряпала по-настоящему праздничное блюдо: рис с овощами и мелко порубленным куриным филе. Во взрослых забавах моя девочка проявляла энергию и страсть.

– Все для тебя, мой милый писатель, – сияя, говорила Айжан.

За день я набрал приличное количество страниц. Я не заметил, как и сам воспламенился мечтой издать свои истории.

Мы с Айжан легли в постель. Занялись сексом. А потом – тесно прижавшись друг к дружке – долго смотрели в темноту. И фантазировали, какая обложка будет у моей книги.

– Эта книга прославит тебя, – щебетала Айжан, пристроив свою хорошенькую головку у меня на груди.

С того дня – когда мы возвращались с работы, Айжан усаживала меня за ноутбук набирать текст рукописи. А сама бралась за приготовление ужина.

Не передать словами, сколько любви Айжан было вложено в каждый кусочек на моей тарелке. Айжан каждый раз старалась состряпать что-нибудь особенное. Если это была жареная картошка – то не только с тушенкой или шпротами, но и с кругляшками помидоров; посыпанная мелко покрошенным укропом. Если гречка – то с тертой морковью и луком. Часто вдобавок к основному блюду Айжан подавала бутер-

броды: с маслом и половинками вареного яйца; с сыром и колбасой; с килькой из консервной банки.

Я уплетал ужин за обе щеки. А Айжан больше, чем ела – мечтала:

– Ты станешь великим писателем. Твою книгу будут читать взахлеб. Толпы поклонниц будут бегать за тобой в надежде получить автограф.

– Именно поклонницы?.. Не поклонники?.. – смеялся я. – И ты не станешь ревновать?..

Айжан серьезно взглядывала на меня своими похожими на черные омуты глазами:

– Конечно – не стану. Я же знаю: ты любишь меня.

После ужина я набирал еще немного страниц. Затем выключал ноутбук. Мы с Айжан ложились в постель. Не обходилось без жаркого секса. Я трижды выплескивал в Айжан свое семя. Потом мы нежились друг у друга в объятиях – и разговаривали, разговаривали. Пока не засыпали.

Недели за две текст рукописи был набран в файле на ноутбуке.

Мы с Айжан сидели и «причесывали» текст. Сокращали длину фраз, где это было возможно. Разбирались с коварными окончаниями «-тся» и «-ться». Убеждались, что каждое слово – на своем месте. Через неделю текст был вылизан – и заблистал, как рубин.

– Как ты назовешь свою книгу?.. – спросила Айжан. – «Легенды, мифы и сказки» – уж больно неоригинально.

Я подумал, посмотрел на Айжан долгим взглядом – и выдал:

– Я назову свою книгу «Две луны».

– Почему «Две луны»?.. – спросила удивленная Айжан.

– Посмотри в нашем сборнике сказку о Клыч-батыре, – сказал я. – Батыр едет ночью по степи и видит две луны. Одна сияет на западе, а другая – на востоке. Как убеждается батыр: одна луна – это луна и есть; ночное светило. А вторая – это блестящая красотой шахская дочка, заточенная в башню.

– «Две луны». Хорошее название, – одобрила Айжан.

Вы понимаете: я слукавил. Недавно я и сам был батыром – победителем уголовников, футбольных фанатов, религиозных экстремистов и неонацистов. И в моем случае обе луны оказались не небесными телами – а обворожительными красавицами.

О, Тия!.. О, Бхайми!.. Мне никогда вас не забыть.

Да, я отдал свое сердце Айжан. Но разве можно стереть из памяти двух прекрасных девушек – «монголочку» и «персианку» – с которыми я сделался мужчиной?..

Если б не Бхайми и Тия – я бы остался безвольным студентиком-хлюпиком. А они... они одним своим появлением пробудили во мне жажду жить так, как мне хочется – а не как навязали мне родители. Я затрепыхался птичкой – пытаясь порвать силки. И силки поддались!.. Не ошибусь, если скажу: только с Бхайми и Тией я и вкусил плоды настоящей – действительно человеческой – жизни.

О, как весело нам было играть в шахматы, шарады!.. Рассказывать истории и анекдоты. Каким вкусным был каждый наш ужин!.. И день всегда заканчивался горячим бурным сексом. Есть ли для парня, мужчины большее удовольствие, чем разделить постель сразу с двумя девушками?.. Обольстительными красавицами, искусными в любовных утехах?..

Благодаря Тие и Бхайми я примерил доспехи героя. Кто очистил мир от трех десятков неонацистов – тот не зря коптит небо.

Бхайми и Тия показали мне Верхний мир. Яркое воспоминание об этом – похожее на переливчатый драгоценный камень – я буду хранить в своем сердце даже тогда, когда превращусь в лысого, похожего на сушеную воблу деда без половины зубов, пускающего пузыри.

Рая нет. Но существует недоступный землянину Верхний мир – населенный прекрасными богинями, такими, как Тия и Бхайми. А мне – Иванушке-дурачку – выпала редкая удача: заглянуть туда одним глазком. Кто видел Верхний мир – тот уже не будет несчастным.

Эх, да что там говорить!..

Ведь и с Айжан я познакомился – если поразмыслить – благодаря моим двум лунам. Богатырское чутье – которым меня наделили красавицы из Верхнего мира – заставило меня сесть в автобус за пятью крикливыми националистами. Если б не это – меня не занесло бы в ту придорожную сто-



ловую, где стояла за прилавком Айжан.

Получилось – действительно – будто в сказке. Я – удалой джигит – защитил прекрасную, как роза, девушку от пяти мерзких чудовищ. Обратней или дэвов. Сказка – правда – вышла ни разу не детская: у монстров полетели головы; а тела поверженных уродов сгорели вместе со столовой.

Но не это ли сплотило нас с Айжан?..

Помню: сажая Айжан на автобус до Московии – я смело поцеловал красавицу в губы. Я – который не так давно боялся даже на двести метров подойти к симпатичной девушке!.. Потому что я ощущал всеми фибрами души: Айжан – моя. Если Тия и Бхайми лунами сияли для меня на востоке и западе – то Айжан не менее яркой луной взошла на севере либо на юге. Айжан была моя третья луна...

...Дав название моему сборнику легенд и сказок – мы разослали файл с книгой по электронным адресам издательств. Теперь оставалось только ждать ответа.

– Тебя издадут тиражом три тысячи экземпляров, – мечтала Айжан, лежа ночью со мной в постели. – Я буду тобой так гордиться!..

Я улыбался, прижимал к себе Айжан и целовал в губы. Издаться стоило уже ради того, чтобы порадовать мою девочку.

Неделю издательства молчали, как глыбы льда на северном полюсе.

Признаться: я сник. Достойные авторы и бездарные графоманы буквально заваливают издательства предложения-

ми: «Выпустите мою книгу!..». Что удивляться, если мое электронное письмо с файлом «Две луны» затеряется среди этих куч или вовсе отправится в папку «спам»?.. Да и в довесок: моя книга написана в не столь уж популярном жанре. Куда больше, чем пересказы эпизодов из Шахнаме, Махабхараты или Джангра – на книжном рынке востребованы романы о маньяках-людоедах с нежной душой, вампирские саги или эротическое чтиво.

В отличие от меня – Айжан не теряла энтузиазма.

– Издательству нужно время, чтобы ознакомиться с твоим сборником, – убеждала меня она. – Вот увидишь: ты заблещешь яркой звездой над литературным небосклоном.

Я слабо улыбался. А сам думал – чувствуя, что сосет под ложечкой: как же будет расстроена моя нежная Айжан, если «Две луны» все-таки не издадут!..

Но скоро мои опасения развеялись, как дым.

Однажды – придя с работы – мы с Айжан проверили электронную почту... и сначала не поверили своим глазам, увидев письмо от издательства «Снежный барс». Главный редактор Ирина Олеговна признавалась, что впечатлена и вдохновлена «Двумя лунами». «Простым, читабельным языком вы передали сам дух древних мифов!..» – восхищалась редактор.

Надо было видеть ликование Айжан.

Прерывающимся от счастья голосом – она вслух дочитала письмо главного редактора «Снежного барса»: «Предлагаем

вам заключить с нами договор на издание вашей книги тиражом тысяча экземпляров. Ваше авторское вознаграждение составит двенадцать червонцев с каждого проданного экземпляра...».

– «Две луны» издадут!.. «Две луны» издадут!.. – запела Айжан.

Обвила мою шею своими тонкими ручками – и от души меня поцеловала.

Тысяча экземпляров – не бог весь какой большой тираж. А гонорар в двенадцать тысяч червонцев – скорее символический. И все-таки – это была победа.

– Тебе придется сгонять в супермаркет, – распорядилась Айжан. – За вкусняшками. Мы отмечаем два радостных события.

– Два события?.. – не понял я.

Одно – это приглашение издательства. А второе?..

– Два, два счастливых события, – повторила Айжан. – Как две луны.

Достав листок и шариковую ручку – Айжан быстро набросала список покупок, который сунула мне в карман.

– Возвращайся поскорее, дорогой!..

Пожав плечами – я отправился в супермаркет.

Я вернулся с двумя полными пакетами.

Айжан весело засуетилась – накрывая на стол. Красиво разложила на блюде окорочка гриль. В тарелках – яблоки, мандарины и виноград. Наполнила вазочки конфетами и

очищенными орехами. Разлила по стаканам ананасовый сок.

– Прошу, мой блистательный принц!.. – усадила меня Айжан.

Она подняла свой стакан:

– За издание твоей книги, любимый!..

Мы выпили ананасового соку – и поцеловались.

Айжан была обольстительна и в прекрасном настроении. Она смеялась мелодичным родниковым смехом. Строила мне глазки. Клала мне в рот дольки мандарина и темно-синие виноградины.

Я обнял свою милую и сказал:

– Айжан. Ты говоришь: сегодня мы празднуем два события. Я понимаю: одно событие – это письмо из «Снежного барса». Ты не представляешь, как я рад, что меня напечатают... Но второе?.. Какое второе событие?..

Айжан положила свою маленькую ладошку мне на грудь – и потупилась. На щеках моей красавицы вспыхнул алый румянец. Она – наконец – подняла на меня свои блестящие агатовые глаза. И сказала:

– Золотой мой. Я беременна.

2022 г.